

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**СУБЪЕКТ, СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
И КОГНИТИВНЫХ НАУК**

7–8 НОЯБРЯ 2017 г.

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
(МОСКВА, УЛ. ГОНЧАРНАЯ, Д. 12, СТР. 1)

МАТЕРИАЛЫ К ДОКЛАДАМ

ББК 87
УДК 1 /140.8
С 89

*Издание осуществлено за счет гранта РФФ №16–18–10229
«Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте
взаимодействия философии и когнитивных наук»*

СУБЪЕКТ, СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И КОГНИТИВНЫХ НАУК /
Под ред. Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой. — М.: Аквилон,
2017. — 72 с.

Публикуются материалы к докладам, представленным участниками Школы молодых ученых «Субъект, сознание и познание в контексте современной философии и когнитивных наук», проводимой 7–8 ноября 2017 года в Институте философии РАН.

Научное издание

ISBN 978–5–906578–28–0

© Институт философии РАН, 2017.
© Коллектив авторов, 2017.
© Издательство «Аквилон», 2017.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается.*

*Петр Дмитриевич АБРАМОВ
Российский национальный исследовательский
медицинский университет имени Н.И. Пирогова,
г. Москва*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЗНАНИЯ И МОЗГА В ФИЛОСОФИИ БУДДИЗМА И НЕЙРОПСИХОЛОГИИ

1. В буддизме существует несколько философских школ, по-разному подходящих к проблеме взаимосвязи сознания и материи, так, в школе йогачара обосновывается, что реально только сознание, а внешний мир за его пределами иллюзорен. Наиболее распространенной в тибетском буддизме является мадхьямака или школа срединного пути. Данной школы придерживается Далай-лама XIV, который в своих работах, прежде всего, во «Вселенная в одном атоме» [1] актуализирует идеи буддийской философии, сопоставляет их с идеями западных и российских мыслителей, а также физиков, космологов и нейрочеловеков. Среди них Д. Бом, А. Цайлингер, П. Экман, Ф. Варела, Гуссерль и др. Согласно буддизму, высшая абсолютная реальность непостижима, в мире же обусловленных ею феноменов Далай-лама выделяет три класса объектов: материю, ум, абстрактные понятия вроде законов логики. Данная классификация в основных чертах совпадает с той, что была разработана К. Поппером. Сознание не было порождено, не может быть выведено из материи, оно во многом независимо от материального мира. Сознание проявляет себя через материю, и при этом оно способно ее изменять. Данное онтологическое допущение существует в связи с универсальным принципом причинно-следственной взаимосвязи: изменение условий, причин необходимо ведет к желаемому результату. Соответственно, если человек тренирует ум, то он изменит свое сознание, эмоции. При этом суб-

станциально, самодостаточное Я не признается. В буддизме, в отличие от современной науки, главным является метод интроспективного наблюдения над состояниями собственного сознания в медитативной практике. Соответственно, важным является синтез субъективистского и объективистского подходов буддизма и науки.

2. Далай-лама XIV взаимодействует со многими учеными, например, с нейробиологом К. Кохом, и одним из наиболее плодотворных является его сотрудничество с профессором психологии Висконсинского университета Ричардом Дэвидсоном. Дэвидсон, принимая базовые положения буддийской философии и методологии, исследует нейропластичность. Феномен нейропластичности демонстрирует, что изменения в сознании влияют на мозг и состояние организма в целом. Дэвидсон в своих научных [6] и научно-популярных [3] трудах описывает исследование пластичности мозга под воздействием медитативных практик. С помощью медитации можно излечиваться от тех или иных психосоматических заболеваний. Например, многочисленные клинические испытания показали, что «практики осознанности» способствуют снижению стресса. Практика осознанности — это когда человек осознает себя в каждый момент времени и беспристрастно фиксирует свои мысли и переживания. Данная практика помогает и улучшению состояния организма при астме, а также развитию избирательного внимания. В случае с вниманием наблюдается высокая степень фазовой синхронизации: внешние раздражители вызывают четкий шаблон колебаний коры мозга. Дэвидсон сравнивает мозг медитирующего с тихим озером. Медитация сострадания, при которой человек размышляет о том, чтобы все его близкие, а также знакомые ему люди были счастливы и не испытывали страданий, укрепляет соединения между префронтальной корой и другими областями мозга, важными для эмпатии. При этом не стоит преувеличивать значение медитации, в ряде случаев она столь же эффективна, как и когнитивно-поведенческая терапия. Также она, например, не способствует лучшему выполнению задания на определение собственного сердцебиения.

3. Данные различных нейрологических наблюдений и экспериментов используются для обоснования как идеалистических, к которым ближе буддизм, так и материалистических концепций. Одна из основоположниц нейрофилософии Патриция Чёрчленд

отстаивает позиции элиминативного материализма, устраняющего многие привычные для нас ментальные состояния [5].

4. Идея о том, что сознание человека способно изменять материю, в частности мозг, несовместима помимо элиминативного и вульгарного материализма с жесткими детерминистическими концепциями, отрицающими свободу воли. При этом каузальная эффективность сознания признается многими представителями идеализма, панпсихизма, дуализма, а также, что немаловажно, материализма. В частности, в материалистической информационной концепции сознания Д.И. Дубровского признается свобода воли и ее способность менять нейродинамические коды мозга [2].

5. Подтверждение влияния сознания на мозг и организм в целом обладает философской, научной и жизненно-практической значимостью. Очевидна роль такого влияния для медицины, поддержания здоровья и избавления от некоторых заболеваний. Кроме того, А.Я Каплан, и другие ученые отмечают, что способность тренировать мозг аналогична тому, как тренируются мышцы, в частности, мысленное представление движения активизирует корковые нейронные системы [4]. Эта способность значима для построения интерфейсов мозг-компьютер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Далай Лама XIV (Тензин Гьяцо)* Вселенная в одном атоме: Наука и духовность на служении миру. Элиста: Океан мудрости, 2010. 208 с.
2. *Дубровский Д.И.* Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+, 2015. 208 с.
3. *Дэвидсон Р., Бегли Ш.* Как эмоции управляют мозгом. Измените свои эмоции, и вы измените свою жизнь. СПб.: Питер, 2012. 256 с.
4. *Каплан А.Я.* Нейрофизиологические основания и практические реализации технологии мозг-машинных интерфейсов в неврологической реабилитации // Физиология человека. 2016. № 1 (42). С. 118–127.
5. *Churchland P.S.* The Brain and It's Self // Proceedings of the American Philosophical Society. 2011. Vol. 155. No. 1. P. 41–50.
6. *Davidson R. J., Kaszniak A.W.* Conceptual and Methodological Issues in Research on Mindfulness and Meditation // American Psychologist. 2015. Vol. 70. No. 7. P. 581–592.

*Александр Сергеевич АЛЕХНОВИЧ
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва*

ПРОБЛЕМА «Я»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЗНАНИЯ

1. В феноменологической философии и когнитивных науках остается открытым вопрос о соотношении феноменов «Я», самости и сознания с их дофеноменальными порождающими условиями. Как возможно бытие человеческой субъективности до концептуализации его в формах мышления и деятельности, т.е. до субъекта и объекта? Кто существует и мыслит, когда мы говорим о субъекте и личности? Что является связующим единством сознания в качестве условия формирования любых субъективных (Я) и интерсубъективных структур (Мы)?

2. Проблема обнаружения «Я», на наш взгляд, заключается в неразличении сознания и мышления, субъективности и субъектности. Если позиция субъекта организует произвольную активность в человеческом сознании — мышление, язык, коммуникация и социальное взаимодействие, то субъективность развертывается как спонтанная неконтролируемая активность сознания — воображение, телесность и аффекты. Субъективность является формообразующим принципом (основанием) активности сознания, а субъектность — основополагающим принципом организации «Я». Таким образом, позиция «Я» структурирует и представляет мышление, которое получает перспективу от первого лица.

3. Субъективность есть специфическое бытие сознания (феномен бытия) [1], благодаря которому мы обнаруживаем сознание в своем сознании как самосознание: сознание как мы его обнару-

живаем и как оно позволяет себя обнаруживать. Самость — это процесс и результат субъективности, не заданный и постоянно продолжающийся в течение человеческой жизни. Самость не является устойчивой сущностью или «ядром» личности, которое бы задавало способ его бытия, но это есть динамическое образование, которое включает самоактуализацию, самовоздействие и несовпадение с собой в границах сознания [2, с. 29].

4. Традиция рефлексивной интерпретации сознания и обнаружения «Я» пыталась основываться на чисто рефлексивных процедурах, которые обнаруживают самоданность сознания в структуре временного потока [3], [4], [5]. Однако в самосознании сознание сталкивается с тем, что само себя выстраивает до уровня самосознания: это вершина айсберга, основание которого уходит в досознательный опыт субъективности [6]. Генезис человеческой субъективности неотделим от антропогенеза, а значит, и от происхождения мышления, общества и языка, появление и взаимообусловленное развитие которых определено активностью воображения. Сознание — это исключительно человеческое приобретение, его основа — воображение, которое, с точки зрения эволюции, является избыточным и даже небезопасным для выживания в экстремальных условиях окружающей среды. Воображение разрывает рефлекторный круг растормаживающих реакций (стимул-реакция) [7, с. 85] и ведет от внешней детерминации среды к спонтанному внутреннему смыслогенезу и внешнему опосредованию, т.е. конвертации биопрограмм в смысловые конструкции культуры [8, с. 328].

5. Сознание конституирует само себя и является, таким образом, имманентным процессом дофеноменального образования и различения смыслов. Поэтому для понимания сознательного опыта следует различать имагинативное и интенциональное сознание [9, с. 146]. Или иначе, анонимное воображаемое (продуктивная активность досознания) определяет субъективное интенциональное (репродуктивная активность сознания). Сознание может переживать эмоционально явленные смыслы (сознание в модусе воображения), а может представлять предметные смыслы (сознание в модусе мышления). Воображение предшествует представляющей способности сознания (репрезентация наличного). Воображающая способность сознания создает смыслы, эмоционально упакованные в образы — неустойчивые смыслообразы (сверхреальное состояние — воображаемое), которые через социально опосредованную

деятельность стабилизируются в концепты-представления, затем в концепты-понятия (реальное состояние — знание).

6. Мышление — это деятельность, практическая адаптация к реальности и когнитивная ее интерпретация в концептах, а сознание — процесс самовоздействия переживаемыми образами в субъективном опыте (сознание-для-себя). Язык привязывает спонтанный смыслогенез воображения к упорядоченной реальности через концептуализацию предметных значений. Социально разделяемое воображаемое удерживает присутствие в действительности через реальность (табу, стереотипы, модели, паттерны поведения и восприятия, роли, персоны и т.д.), взаимосвязано организуя реальность на порядке действительности и одновременно ее воспроизводя.

7. Действительность сознания — нередуцируемая субъективность присутствия, которая в явлении себя самой (самость), т.е. дорефлексивном и рефлексивном самоотношении, отсылает к самообнаружению — кажимости «Я», идентифицирующей себя в речи и мышлении. В этой организуемой заданности индивид выстраивается идентичностью на уровне индивидуальности тела (самоощущение), а личность — идентичностью на уровне социально оформленной самости (самобытие), при этом реальность «Мы» антропологически изначальнее реальности «Я».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаров С.В.* Проблема субъективности в трансцендентально-феноменологической традиции западной философии: дис. ... док. философских наук. Екатеринбург, 2007. 481 с.
2. *Гиренок Ф.И.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012. 237 с.
3. *Бородай Ю.М.* Б Эротика-смерть-табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
4. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
5. *Сартр Ж.-П.* Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М.: МОДЕРН, 2011. 160 с.
6. *Zahavi D.* Unity of Consciousness and the Problem of Self // *The Oxford Handbook of the Self.* New York: Oxford University Press, 2011. P. 316–335.
7. *Козырева А.С.* Субъективность и единство самости в феноменологической перспективе // *Вопр. философии.* 2014. № 4. С. 156–167.

8. *Пелипенко А.А.* Постижение культуры: в 2 ч. Ч. I. Культура и смысл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 607 с.
9. *Детистова А.С.* Феноменологический проект М. Ришира: фантазия как измерение феноменологического // *Вопр. философии.* 2012. № 6. С. 139–148.

Павел Николаевич БАРЫШНИКОВ
Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОМПЬЮТАЦИОНАЛИЗМА В КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ И ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

В середине XX в. распространению компьютерной метафоры в когнитивных науках и в философии сознания способствовало бурное развитие вычислительной техники. Способность компьютерных систем к анализу и обработке информации ассоциировалось со схожими процессами в познавательных процедурах человека. Модель компьютера как вычислительной системы, предназначенной для последовательного выполнения изменяемых операций, стала использоваться как центральная идея при объяснении когнитивных процессов.

С долей приближения компьютерную метафору можно выразить следующим образом: сознание управляется наборами правил, схожих по своей структуре с правилами операций в компьютерных системах. При этом важно отметить, что когнитивный подход к проблеме сознания элиминирует классическое для философии противопоставление категорий разума и рассудка. Традиционно в гносеологии рассудок понимался как начальная стадия мышления, связанная с выделением и четкой фиксацией абстракций и применением системы этих абстракций для освоения мышлением пред-

мета; разум — как высшая стадия мышления, способная преодолеть ограничения «конечного» опыта, способная к поиску безусловных оснований познания и постижению абсолютного. Первые исследователи-когнитивисты полагали, что универсальная природа информации и алгоритмическое управление символами позволяет строить непротиворечивые модели как низших, так и высших мыслительных процессов. При этом метафизическая интерпретация разума постепенно заменялась анализом размытого термина «сознание», включавшим в себя феноменальный опыт, логико-семантические процедуры, а также оперирование ментальными репрезентациями. Чувственный опыт, рассудок и разум стали редуцироваться к материи мозга, функциональным состояниям этой материи и общим процедурам обработки информации когнитивной системой.

Компьютерные модели когнитивных процессов требовали философских оснований, которые стали выводиться в рамках вычислительной теории сознания. Компьютерная метафора сыграла ключевую роль в становлении когнитивных наук и в постановке основных проблем современной философии сознания.

Сторонники классической вычислительной теории сознания указывают на то, что компьютероцентричность метафоры связана с двумя параметрами: вычислимостью и программируемостью ментальных процессов [1, р. 60]. Разумеется, нервная деятельность биологического организма и активность нейронных процессов не представляют собой полноценные функции вычислительного устройства, но при этом обладают формальными свойствами машины Тьюринга, а именно принципами функциональной организации внутренних состояний. Функциональная организация определяется «множеством абстрактных компонентов, множеством состояний каждого компонента системы и системы отношений зависимости, указывающих на то, как состояния каждого компонента зависят от предыдущих состояний и данных на входе, а также на то, как данные на выходе зависят от предыдущих состояний» [2, с. 398]. Абстрактная каузальная вычислительная система представляет концептуальное ядро метафоры, связывающей работу сознания с функциями вычислительного устройства, несмотря на их онтологическую несовместимость. Отсюда вытекают два важных вопроса: в чем состоит суть онтологической несовместимости и в чем состоит релевантность аналогии вычислимости касательно ментальных процессов?

Онтологическая несовместимость, на наш взгляд, имплицирована символическим подходом в классическом компьютеризме. Символ — это необходимая часть формального языка, позволяющая различать элементы формального алфавита (реализация отличия по Ф. де Соссюру). Входящие и исходящие символы машины Тьюринга вписываются в одни и те же клетки ленты памяти. Сознание (в когнитивном смысле) в свою очередь работает с сенсорными входящими данными и исходящими мышечно-моторными или репрезентациональными данными. В когнитивных науках операциональный символ — это физический компонент репрезентациональной системы. В этом случае ключевая проблема состоит в обосновании каузальной совместимости психофизического ввода / вывода [3].

Итак, из самых своих ранних форм компьютеризм развивается в нескольких направлениях. И каждое направление содержит собственный объект, к которому применяются аналогии вычислительно-алгоритмических процедур. Во-первых, абстрактная модель машины Тьюринга применима к исследованию формальных и каузальных свойств функций нервной системы. Во-вторых, свойства структурных компонентов физической памяти компьютера переносятся на структурную организацию материи мозга. В-третьих, параллельно развивается «обратная метафора» — вычислительные процедуры живой материи переносятся на архитектуры искусственных вычислительных устройств. В любом случае речь пока идет не о компьютерной реализации сознания, а о логико-алгоритмических функциях аппаратных узлов, реализованных в биологических и технических объектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rescorla M.* Computational modeling of the mind: what role for mental representation? // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2015. Vol. 6. No 1. P. 65–73. DOI 10.1002/wcs.1325.
2. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, 2013. 512 с.
3. *Casey G.* The Computational Metaphor and Cognitive Psychology // *The Irish Journal of Psychology*. 1989. Т. 10. № 2. P. 143–161.

*Иван Николаевич БЕЛОНОГОВ
Государственный академический университет
гуманитарных наук, г. Москва*

ТРИ УРОВНЯ СОЗНАНИЯ

О сознании говорят. О сознании спорят. Спорят о наличии сознания у животных. В сознание приходят или пребывают в нём. Иногда говорят о сознании, подразумевая место, иногда — как о состоянии в связке с «бессознательным», иногда — о сознании как особой способности. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что слово «сознание» употребляется, как минимум, в трёх разных значениях. Если же три этих значения расположить по трём уровням, то окажется, что каждый последующий уровень образуется на базе предыдущего:

1) Сознание как поле сознания: Все, что мы воспринимаем и представляем, с необходимостью воспринимается и представляется в нашем сознании. Речь здесь, стало быть, о месте. И о времени, добавил бы И. Кант, ведь быть пространственным и временным — это, в первую очередь, свойство сознания, ибо напрямую внешний мир никому не дан. Феноменологи называют это трансцендентальным полем [1]. М.К. Мамардашвили — сферой сознания [2, с. 44–59]. Нейрофизиологи расскажут о том, что все воспринятое рецепторами, органами чувств, в виде электрических импульсов поставляется в мозг, а он, в свою очередь, заново создаёт мир — изображение, звуки, ощущения, в том числе ощущение пространства и времени [3]. Назовём это первым уровнем сознания, ибо он включает в себя всё. Потому Делёз, интерпретируя Спинозу, говорит об аффекте (чувстве) и идее как двух видах мысли [4, с. 9–11]. Поскольку любое восприятие это, в том числе, процесс в мозге, постольку всё, что мы чувствуем, ощущаем и воспринимаем — это тоже мысли. Так же и любое движение тела, в конечном счете, мысль. Тело-сознание и мысль-мир [5, с. 18].

2) Сознание как осознание: Но о чём, в таком случае, спрашивают, когда спрашивают «в сознании ли вы?». Выпавший из сознания — обморочный, пьяный или просто не слишком сознательный — потерявший ориентацию во времени или пространстве, не понимающий, где, с кем, что к чему и кто есть кто. На этом, втором, уровне появляется деление на осознанное/неосознанное: что-то из воспринятого осталось незамеченным, неотмеченным или непонятым. Осознавать — значит расставлять ярлыки, маркеры — кто свой, кто чужой, где дом, что еда, а что просто бессмысленные вещи — это различает и животное. Возможные действия и прошлые воспоминания привязываются к вещам и местам — так мир становится понятным и знакомым, осмысленным. Действия, связанные с вещами и местами, выстраиваются в цепочки, ведущие к целям (несомненно, у каждого своим), так деятельность становится сознательной. Различные цепочки пересекают друг друга, формируя сеть — систему из мест и дат для ориентации в пространстве и времени, план действий для достижения целей, соотношение лиц, социальных ролей и статусов для ориентации в обществе и т.д. У каждого свои интересы, вводящие в сети ранги и расставляющие приоритеты — так образуются иерархии. Любая подобная схема строится на различиях, различия комбинируются в пары, принимая форму оппозиций (право / лево, верх / низ), в троичные связки (свой / чужой / нейтрал, сырое / приготовленное / тухлое, глубина / поверхность / высота), или в более сложные совокупности из множества элементов (палитра цветов, дорожные знаки). Осознавать значит различать, чтобы ориентироваться, дабы понимать.

3) Сознание как самосознание: Людям, в их отличие от других животных, свойственно к тому же отдавать себе отчёт. Себе, ибо таковы правила социума, утверждающие, что, кроме окружающего мира, каждому человеку необходимо осознавать и себя. Встраивать себя, наряду со всеми остальными маркированными объектами, в сети и структуры, дабы определить свой статус в них. Познают себя так же, как и любой другой объект в мире: Ж.Лакан говорит о «стадии зеркала» — этапе в жизни, когда индивид встречает своё отражение и получает возможность смотреть на себя со стороны [6, с. 508–516]. А вместе с образом себя возникает множество насущных вопросов — «кто я?», «чего я хочу?», «что значит “я есть”?» и вечное чувство неудовлетворённости ответами. Появляется возможность добавить к каждому своему действию

или мысли «я»: «я думаю», «я делаю» — то, что Кант назвал Трансцендентальным Единством Апперцепции [7, с. 128]. К связке между словом «я» и запомненным образом себя начинают добавляться различные характеристики и оценки. Так определяют себя и своё место. Индивид начинает перманентно отдавать себе отчёт. По мере роста этой структуры происходит закрепление связи с языком, словами. Помимо мышления аффектами и манипуляции идей в представлении возникает то, что называется «внутренний монолог» — постоянное беззвучное проговаривание (которое, при этом, всё равно сопровождается микродвижениями языка). Таков третий уровень сознания — рефлексия, самосознание. Осознавать себя как мыслящего и существующего — таков классический субъект, введённый Декартом, имя коему — *Cogito*. Именно на этом уровне возникает психоаналитическое бессознательное. Правила социума заставляют индивида надевать «маску», скрывая под ней то, что в обществе считается запретным или неприличным. Из такого скрытого, забытого самим индивидом и формируется бессознательное: то, что не пропускает в сознание внутренняя цензура, Супер-Эго или Большой Другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сартр Ж.-П.* Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. М.: МОДЕРН, 2011. 160 с.
2. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
3. *Дойдж Н.* Пластичность мозга: Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М.: Эксмо, 2010. 539 с.
4. *Делёз Ж.* Лекции о Спинозе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.
5. *Ларюэль Ф.* Словарь нефилософии // Синий диван. Философско-теоретический журнал. 2013. Вып. 18. М.: «Три квадрата», 2013. С. 7–30.
6. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II [1954 / 55]). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2009. 520 с.
7. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2008. 736 с.

*Дарья Дмитриевна ГОСТЕВА
Нижегородский филиал Фонда развития
гражданского общества, г. Нижний Новгород*

СУБЪЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Актуализация проблемы субъектного потенциала человека как одного из ключевых аспектов философских учений, начиная с Нового времени, подтверждает и вневременную значимость проблемы, и значительную степень влияния контекста времени на философские воззрения. С вхождением человечества в информационную эпоху происходят изменения практически во всех сферах жизнедеятельности, в том числе меняется и само понимание деятельности как формы активного отношения субъекта к окружающему миру.

Социальная реальность информационной эпохи порождает необходимость дополнительного осмысления феномена субъекта, концепции человеческой деятельности через призму осмысления роли информационных технологий, ведущих к трансформации форм и методов познания окружающего мира. Возникновение виртуальной реальности усложнило субъект-объектную проблему, с одной стороны, лишило четкой границы понятия «субъект» и «объект», с другой — высветило в новых аспектах их взаимообусловленность. В связи с этим в современных социогуманитарных исследованиях получила проблематизацию возможность реализации в новых социальных условиях субъектного потенциала человека.

Виртуальная реальность первоначально должна была служить цели тренировки человека для выработки у него требуемых в различных ситуациях реакций. Достаточно скоро фокус ее действия сместился на структуры повседневности. Представляя собой «специфический вид символических реальностей, который создается

на основе компьютерной и некомпьютерной техники» [1, с. 7], виртуальная реальность постепенно истончает границы между реальным и вымышленным миром, изменяя, в том числе, самого познающего субъекта. Условия виртуальной реальности воздействуют на сознание человека, происходит его деперсонализация, утрата им целостности существования. Формы виртуальной реальности, вначале рассматриваемые как инновационные инструменты в процессе познания и понимаемые человеком как принадлежащие внешней среде, постепенно перестают осознаваться субъектом таковыми и приобретают в его действиях характер опривычивания.

Увеличивающаяся компьютеризация различных сфер жизни общества, казалось бы, приносит большую когнитивную свободу человеку в его повседневных практиках. Вместе с тем он вынужден приобретать новые компетенции для существования в виртуальном коммуникативном пространстве, адаптироваться к непривычным для него виртуальным реалиям. Изменяется чувственная сфера человека: наблюдая за техническими трансформациями, он испытывает реальные ощущения, может проявить себя в той или иной ситуации, выходящей за рамки имманентной размерности, примерить на себя иную социальную роль, совершить любое действие вне законов и норм морали, временно отказаться от биологического начала своей сущности. В связи с этим видится глубоким утверждение, что в информационную эпоху новым проблемным полем оказывается категория ценностей [2], что высвечивает новые проблемные грани субъектного потенциала человека.

Сегодня виртуальный субъект входит в коммуникацию с виртуальным Другим в той новой среде взаимодействия, которая порождает в их отношениях новое понимание таких вечных категорий, как свобода, необходимость, справедливость. Виртуальная реальность раскрывает перед человеком множество возможностей для раскрытия его субъектного потенциала, но в то же время ставит под сомнение свободу, которой обладает человек. Является ли в связи с этими изменениями субъект самостоятельным, деятельным началом или он переходит в статус программируемого объекта с недействующим набором присущих субъекту форм активности? Способен ли человек отличать навязываемые, поведенческие программы от собственных свободных решений? Виртуальный субъект входит в эту среду как результат тех процессов социализации, которые «произвели» его как вполне «реального» субъекта.

Таким образом, информационная эпоха оставляет нам традиционные вопросы свободы человека и порождает необходимость осмысления новых контуров проблемы человека как субъекта познания и самопознания, его ценностных установок в контексте новой техногенной эпохи. В связи с этим следует предположить, что результаты будущих воплощений виртуальной реальности станут проявлениями гуманных отношений, творческой реализацией субъектного потенциала индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розин В.М.* Интернет — новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 3–23.
2. *Лекторский В.А.* Права человека в контексте глобализации // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6107-prava-cheloveka-v-kontekste-globalizacii.htm, свободный. — Загл. с экрана. (Дата обращения: 20.08.2017.).

*Анастасия Николаевна ГУМАРОВА
МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

СУБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ НАУК

Золотой век мозга ознаменовал появление ряда новых подходов к решению традиционных для философии вопросов и постановку новых проблем, нехарактерных для гуманитарного подхода. Развитие современной когнитивной нейробиологии происходит в междисциплинарном контексте: взаимодействие с гуманитарными

дисциплинами основывается на привнесении когнитивных методов в рассмотрение общего предмета исследования. Так, когнитивный подход в эпистемологии дополняет видение познающего субъекта данными нейробиологии. Например, проблема свободы воли обретает новый уровень рассмотрения в контексте теории принятия решений. Данные о нейрональной активности, опережающей осознанное действие, вызывают дискуссии о, так называемой, «иллюзии» свободного действия. При анализе метода когнитивных наук и аспектов его применимости к вопросу о сущности субъекта познания следует обратиться к современным концепциям функционирования мозга. Последние исследования предлагают рассматривать мозг как аппарат, настроенный на постоянное прогнозирование событий объективного мира и мира субъективных представлений [1]. Представление о мозге как о машине, работающей по принципу «стимул-реакция» оказывается недостаточным для описания динамики взаимодействия с окружающим миром. Прослеживается имплицативная связь с проблемой «гносеологической робинзонады»: так ли суверенно мышление субъекта или оно реализуется как постоянное взаимодействие, сонастроенная открытость к внешнему?

Отказ от другой «машинной» метафоры для объяснения работы мозга состоит в пересмотре концепции мозга как механизма, состоящего из стандартного набора структур, каждая из которых ответственна за ту или иную когнитивную функцию. Мозг с этой точки зрения представляется как видоспецифический, инвариантный для любого человека универсальный носитель когнитивных функций. Современные исследования нейронаук пришли к динамической парадигме локализации функций в мозге. Пересматривается жёсткая асимметрия активности полушарий при выполнении той или иной деятельности. Здоровый человек в комфортных условиях для решения когнитивных задач использует весь объём своего мозга, интегрируя латерализованные функции. Например, ранее считалось, что при изучении нового языка активно задействованы только речевые области левого полушария (центр Брока, область Вернике). Исследования нейронных механизмов в процессе синхронного перевода, говорят нам о том, что в процессе работы с языком так же задействованы области правого полушария, отвечающие за целостное восприятие. Правое полушарие активирует информацию, связанную с чувственным и эмоциональным

опытом. Оно участвует в мониторинге текущей информации и соотношении поступающей информации с долговременной памятью. Левое же активирует контекстуальные семантические связи и подавляет неподходящие для текущего контекста значения. Так, концепция мозга как целостной системы, структуры которой функционально интегрированы, лучше объясняет сложность выполняемых когнитивных задач. Подобная модель сходна с концепцией коннекционизма в когнитивной психологии: действующие единицы мозга — пластичные сети, способные к переобучению и синхронной работе.

Подкрепление эмпирическими фактами получают ранее выдвинутые в психологии идеи о зависимости когнитивной функции от культурно-средовых факторов. Исследования в области сравнения мозговой активности представителей различных культур привели к выводам, что когнитивные особенности детерминируются как генетически, так и в процессе онтогенеза под воздействием внешних факторов (культурных, социально экономических). На основе этого выдвигается предложение о пересмотре представлений о субъекте познания [2]. В противовес трансцендентальному субъекту, обладающему автономными формами познания, новый субъект обладает такой когнитивной функцией, которая внешне включена в ситуативную социокультурную среду, а её материальным субстратом является пластичная динамическая нейронная система. Таким образом, подчёркивается необходимость рассмотрения субъекта, субстанциальной характеристикой которого является деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pezzulo G., D'Ausilio A., Gaggioli A. Predictive Technologies: Can Smart Tools Augment the Brain's Predictive Abilities? // *Frontiers in neuroscience*. 2016. No.10. DOI: [10.3389/fnins.2016.00186](https://doi.org/10.3389/fnins.2016.00186).
2. Бажанов В.А. Современная культурная нейронаука и природа субъекта познания: логико-эпистемологические измерения // *Эпистемология и философия науки*. 2015. № 3 (45). С. 133–149.
3. Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // *Вопросы философии*. С. 46–57.
4. Миронов В.В., Косилова Е.В., Вархотов Т.А., Костылев П.Н., Беседин А.П. Аспекты применения когнитивного подхода в гуманитарной сфере. Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2017. №2. С. 59–71.

*Александр Андреевич ГУСЕВ
Ивановский государственный химико-технологический
университет, г. Иваново*

ТРУДНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗУЧЕНИЕМ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Понятие феноменального сознания является одним из самых дискуссионных в современной аналитической философии сознания. Связано это с тем, что, по мнению некоторых философов, вроде Томаса Нагеля или Дэвида Чалмерса, современная когнитивная наука исследует лишь так называемое *психологическое сознание*, или сознание доступа (Д-сознание). То есть, в это понятие входят мысли, желания, мнения, выражающие некоторую пропозициональную установку. Но не исследуется феноменальное сознание, которое может характеризоваться качественной составляющей, — «Каково испытывать, то или иное ментальное состояние?» [1].

Не так давно Дэвид Чалмерс в статье 2013 года «Как мы можем построить науку о сознании?» обозначил возможный план развития научного изучения сознания [2]. Главной идеей Чалмерса является серьёзное отношение как к данным от третьего лица (дискриминация внешних стимулов, интеграция информации через сенсорные модальности, волевые и автоматические действия и так далее), так и к данным от первого лица (визуальный, перцептивный, телесный опыт и т.д.). То есть фактически он хочет через данную научную теорию сознания объяснить, как работает сознательная когнитивная система, и возможно даже каково это быть такой когнитивной системой.

Со сбором данных от третьего лица в принципе всё понятно, поскольку, по всей видимости, этот процесс уже довольно давно запущен в когнитивной нейронауке. В исследованиях фиксируются

поведенческие и нейрофизиологические характеристики некой когнитивной системы. Но вот с данными от первого лица у нас есть серьезные трудности. Это связано с тем, что этот процесс является интроспекцией испытуемого и его вербальным отчётом о своём внутреннем состоянии, выявленном в данном рефлексивном опыте. Данный подход к изучению психики был использован ещё отцом экспериментальной психологии Вундтом в конце XIX-го века. Но вскоре интроспективная психология была раскритикована за излишнюю субъективность. Чалмерс считает, что после всех методологических скитаний мы готовы к возвращению содержательной интроспективности в нашей теории сознания, подкреплённой успехами в нейронауке. Правда он также считает, что нужно найти способ перевода данных от первого лица в термины данных от третьего лица, чтобы мы смогли совместить две эти категории данных для выявления общих принципов, лежащих в основе работы сознания.

Но я считаю, что идея о полном переводе интроспективных отчётов в данные от третьего лица является утопией, поскольку это возвратит нас к неестественному подходу интроспекции Вундта, когда фактически сами психологи становились испытуемыми, поскольку была необходима особая подготовка для фиксации данных внутреннего опыта. По моему мнению, это нарушает чистоту эксперимента, и полная элиминация феноменальных терминов из любой дескрипции испытуемого невозможна. Так или иначе «сырые» протокольные данные респондентов будут иметь текстуальную форму, поскольку только так рядовой человек может хоть что-то поведать о своём феноменальном опыте. Но очевидно, что обычный неподготовленный человек также будет довольно хаотичным в описании даже простого ощущения головной боли. Вероятно, в его дескрипции будет содержаться много других феноменальных терминов, которые сами должны быть объяснены. Например, испытуемый описывающий свой опыт головной боли может сослаться на то, что это похоже на то, когда тебя бьют молотком по голове и т.д. (я думаю, что и другие аспекты субъективного опыта будут иметь схожие проблемы). Для того чтобы избежать проблем с регрессией исследователь в данном случае должен найти путь к выявлению базовых, далее не редуцируемых феноменальных терминов, которые могут быть доступны в интерсубъективной форме большинству здоровых людей. Например, феноменальные термины, связанные с такими универсальными

экспериментальными свойствами, как ощущение нахождения в пространстве и во времени. Возможно, этот список пополнится и усложнёнными терминами, которые потребуют более богатую биографию опыта для того, чтобы ознакомиться с фиксацией данных от первого лица конкретного испытуемого. Например, если одним из базовых феноменальных терминов станет какое-то универсальное качественное описание боли. Средний человек, который захочет понять «переведённое» описание какого-то болевого опыта от первого лица конкретного испытуемого, предпосылочно должен будет владеть некоторым опытом, связанным с базовым феноменальным термином, содержащимся в данном тексте. Но это не должно быть огромной проблемой, ведь даже если мы считаем, что данные естественных наук, например физики, являются intersubъективными, то всё равно любой, кто захочет с ними ознакомиться, должен владеть как минимум языком, на котором написан этот текст, а также и какими-то базовыми представлениями о математике, хотя и этого может быть недостаточно.

Но даже если мы представим такую гипотетическую ситуацию, когда заявленные Чалмерсом данные от первого лица будут успешно интегрированы через особый «перевод» в общую теорию сознания, содержащую также и поведенческие и нейрофизиологические корреляты, то всё равно остаётся ещё «что-то». Это что-то является сложно выразимым, но именно тем, что на самом деле мы и хотим знать о феноменальном сознании. Я говорю про *комплексные феноменальные состояния*, заключающие в себе бурную смесь различных феноменальных состояний совместно с конкретной биографической направленностью субъекта, — «Каково быть конкретным человеком, с его особой, единичной биографией, встроенным в конкретный социокультурный контекст?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, 2013. 512 с.
2. Chalmers D. J. How Can We Construct a Science of Consciousness? // The Annals of the New York Academy of Science. 2013. Vol. 1303. P. 25–35.

Николай Андреевич ЗУБКОВ
Московский технологический университет (МИРЭА),
г. Москва

ТЕОРИЯ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ГУМАНИТАРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Гуманитарно-психологический аспект информационных войн — манипулятивное информационное воздействие на когнитивную модель мировосприятия с целью изменения поведенческих протоколов субъекта. Ключевым понятием в данном определении является когнитивная модель мира, которая и является базовой составляющей любой манипуляции. Термин когнитивность в широком смысле означает способность к восприятию, анализу внешней информации и формулированию выводов. Внешний мир индивид воспринимает не как состоявшийся объект, а как соотношение себя и этого объекта. Из-за этого люди, как правило, в той или иной ситуации склонны опираться не на реальность, а на когнитивную модель восприятия, как сознательную, так и бессознательную. Соответственно, искажение восприятия (когнитивный сдвиг) позволяет изменить необходимую часть «картины мира» или всю ее полностью, в зависимости от целей манипуляторов, создающих определенные смысловые образы или образную систему (которая является протоколом поведенческой модели, фреймом) в сознании индивида.

В классическом гуманитарном исследовании выбирается часть социального процесса (локальный процесс, феномен и т.д.). В случае изучения информационного конфликта исследователь сталкивается с проблемой изучения гиперреального [1, с.15] пространства, где этот конфликт разворачивается. Более того, в результате конфликта формируются две несоприкасающиеся гиперреальности. Ввиду этого приходится изучать минимум два пространственно-

временных горизонта (реальный и гиперреальный), каждый из которых развивается по своим законам. Соответственно, объектом изучения становится не сама реальность, а её гиперреальное «отражение». Хотя информационная гиперреальность и не имеет каких-либо эмпирически фиксируемых физических свойств, она обладает определенной структурой и составными частями: информационные поля, информационные образы (ядро, периферия, скрытая периферия), когнитивно-эмоциональные реакции, информационные импульсы.

Информационные импульсы мы получаем в процессе коммуникации, где, в нашем случае, отправителем будет являться заинтересованная сторона, каналом передачи сообщения — СМИ, а получателем — социум. СМИ не являются простым репродуктором событий объективной реальности, они «означивают» мир, тем самым конструируя в сознании индивидов гиперреальное измерение. Ж. Лакан ввёл понятия «означаемость» и «означающий», и представил их в известной формуле «S/s», где «S» — «означающий», а «s» — «означаемое» [2]. Соответственно, само информационное сообщение являет собой лишь оболочку, контейнер для заложенного в нем смысла. Смысл передается через фрейм сообщения.

Термин фрейм широко используется в настоящий момент микросоциологами и сторонниками теории фреймов и, соответственно, фрейм-анализа. Фрейм — это ситуационная модель, которую способен раскодировать индивид при помощи когнитивного инструментария, имеющая чётко выделенные границы и в зависимости, от которой выстраивается модель поведения субъекта. Сам фрейм передает по средству себя определенный смысл, закодированный в нём при помощи кодеров. В соответствии с подходом анализа формируемой информационной гиперреальности фрейм и есть смысл. Особенно важно, чтобы фрейм, с некоторым количеством кодеров, был верно декодирован получателем. Фрейм может кодироваться исключительно филологическими единицами, а декодируется бесконечно огромным количеством знаково-образных единиц. Но всё это будет иметь значимость только в том случае, если получатель сообщения вовлечен в этот фрейм. Видные социологи Л. Болтански и Л. Тевено разработали «теорию вовлеченности» [3], которая утверждает, что человек действует в той или иной ситуации в зависимости от того, насколько он вовлечен в неё. Человек одновременно вовлечен в разные ситуационные фреймы и выбирает модель своего поведения согласно тому фрейму, в который он вовлечен более всего. Этот же принцип вовлеченности рабо-

тает и в случае с конструируемой гиперреальностью. Проблема состоит в том, насколько человек вовлекается в гиперреальный фрейм, и насколько меняется его модель поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и Симуляции. М.: Издательский дом «ПО-СТУМ», 2016. 240 с.
2. *Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001008/st000.shtml>, свободный. — Загл. с экрана. (Дата обращения: 11.02.2017.).
3. *Наумова Е.* Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм // Russian Sociological Review. 2014. Vol. 13. No. 3. С. 246–251.

Александр Викторович КАТУНИН
Институт философии РАН, г. Москва

КОГНИТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

«СИЛЬНОЕ» И «УМНОЕ» ИЛИ «СЛАБОЕ» И «ГЛУПОЕ»?*

Согласно когнитивному подходу человек рассматривается как познающая система, а психика и сознание — как инструменты, с помощью которых познавательная деятельность производится. При очень разнообразном количестве концепций понимания познания [1] (преимущественно осознанного), субъективная реальность может формироваться и без участия сознания. Ментальная

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 16-18-1-229 «Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте взаимодействия философии и когнитивных наук».

сфера включает в себя не только сознательные феномены, но и неосознаваемые процессы. Для обозначения познавательных процессов, протекающих вне сферы осознаваемого, используется термин: «Когнитивное бессознательное» (далее — КБ), определение которого достаточно ёмко даёт проф. Аллахвердов: «...под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» [1, с. 10].

В попытках определить роль и место когнитивного бессознательного в человеческом познании, классифицировать включённые в него процессы, мнения учёных расходятся. Первая классификация, выдвигаемая В.И. Силантьевым, связана с целостностью неосознаваемой ментальной сферы и предлагает две версии КБ — сильную и слабую. Согласно **сильной** версии, КБ представляется как целостная ментальная структура, «целостный механизм, наделенный неограниченными возможностями в плане обработки информации. Оно играет ключевую роль в построении ментальной модели мира. По мнению ряда исследователей, ограничения в плане когнитивной деятельности существуют только на уровне сознания и обусловлены не дефицитом возможностей нашего мозга, но скорее самой логикой познания и теми задачами, которые стоят перед ним» [3, с. 138]. Согласно **сильной** версии когнитивного бессознательного, неосознаваемые процессы лежат в основе любого осознанного решения, вплоть до того, что важные решения принимаются мозгом ещё до осознания этих решений [Там же]. Отсюда можно сделать вывод, что КБ в определённой степени управляет сознанием.

Согласно **слабой** версии когнитивного бессознательного, КБ представляется как «совокупность разрозненных ментальных операций». [3, с. 139] В.И. Силантьев верно отмечает, что понятие КБ оформляется в рамках экспериментальной психологии. Важно понимать, что учёные не пришли к окончательному пониманию КБ. На данном этапе развития этого понятия мы имеем сумму феноменов, связанных с его проявлением (неосознаваемые процессы получения, обработки и использования информации). Поэтому, хоть представление о слабом КБ и не популярно, но при определённом

ракурсе справедливо и имеет право на существование. В защиту слабой версии КБ приводятся следующие аргументы:

- «а) экспериментальные исследования бессознательного, как правило, выявляют эффекты, имеющие частный характер. Допущение о существовании единого бессознательного, сделанное из обобщения этих эффектов, таким образом, является необоснованным;
- б) среди выявленных эффектов преобладают достаточно простые когнитивные операции, что не позволяет сделать вывод о способности бессознательного к выполнению более сложных задач». [Там же]

Второй тип классификации представили американские когнитивные психологи Элизабет Лофтус и Марк Клингер, рассуждая на тему «Является ли бессознательное умным или глупым?» [4, р. 761] Одни авторы предполагают, что система КБ является **глупой** (*dumb*) — т.е. способна выявлять и работать только с простыми когнитивными отношениями вроде узнавания слов или модификации поведения сообразно контекстному стимулу. Другие же полагают, что «в сравнении с сознательной обработкой процессы неосознаваемого приобретения знания протекают во много раз быстрее и являются структурно более изощрёнными» [2, с. 12], тем самым признавая, что система КБ является умной (*smart, sophisticated*). В качестве аргумента Аллахвердов приводит феномен имплицитного мышления, приводя в пример шахматистов, многие мыслительные процессы которых в ходе игры протекают на неосознаваемом уровне.

Ещё одна классификация КБ связана с попыткой установить взаимосвязь в функционировании сознания и когнитивного бессознательного. Н.В. Морошкина и И.И. Иванчей приводят следующие вариации взаимосвязи: 1) Сознание и КБ работают автономно, не вмешиваясь и не влияя на работу друг друга; 2) активности сознания и КБ взаимоисключают друг друга — выполнение задачи происходит либо осознанно, либо неосознанно; 3) «сознание и когнитивное бессознательное взаимодействуют друг с другом в ходе выполнения различных задач; результаты их работы частично проницаемы друг для друга, а величина вклада в общую эффективность зависит от характера задачи». [5, с. 113]. В результате когнитивному бессознательному стали приписывать свойство могущественности, объясняя чрезвычайную сложность и скорость работы с информацией.

В заключение важно отметить, что проблема когнитивного бессознательного ещё не осмыслена полностью. Проводятся новые эксперименты, возникают новые взаимосвязи и пр. Но, исходя из

уже имеющихся данных, можно смело утверждать, что использование понятие КБ правомерно и, более того, необходимо для описания когнитивных процессов, совершающихся вне поля осознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Касавин И.Т.* Познание // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М.: 2001. С. 259–263.
2. *Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В.* Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 2. С. 10–19.
3. *Силантьев В.И.* Понятие когнитивного бессознательного // Философия науки. 2016. № 4. С. 130–145.
4. *Loftus E.F., Klinger M.R.* Is The Unconscious Smart Or Dumb? // American psychologist. 1992. Vol. 47. Iss. 6. P. 761–765
5. *Морошкина Н.В., Иванчей И.И.* ИмPLICITное научение: исследование соотношения осознаваемых и неосознаваемых процессов в когнитивной психологии. // Методология и история психологии. 2012. Т. 6. Вып. 4. С. 109–131.

*Ольга Александровна КОЗЫРЕВА
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

КРИТИКА СУБЪЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ВНУТРЕННЕЕ VS. ВНЕШНЕЕ

Понятие субъекта носит основополагающий характер для философии независимо от функции, которую оно выполняет в кон-

кретной философской системе. Даже в ситуации отказа от этого понятия при построении философской концепции оно по-прежнему функционирует в ней как объект ее критики. Тогда возникает вопрос: если понятие субъекта является центральным для философии, то как объяснить движение XX в. за «смерть субъекта»?

На наш взгляд, критику понятия субъекта осуществляет не только французский структурализм и постструктурализм, но и англо-американская аналитическая философия. И эта критика состоит в отказе от примата внутреннего над внешним, в отказе от поиска в объективированных формах деятельности источника их создания.

1. Барт и критика автора

Идея о «смерти Автора» связана с тем, что Барт постулирует самодостаточность текста. Текст не выражает замысел автора, напротив, интенциональность приписывается тексту читателем. Поскольку текст — это одна из форм языка, а язык — социальный феномен, то автор, «если бы он захотел выразить себя, ему все равно следовало бы знать, что внутренняя “сущность”, которую он намерен “передать”, есть не что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности» [1, с. 388–389]. С некоторой условностью в этой идее виден аргумент против индивидуального языка. По мнению Барта, внутренний мир автора на самом деле представляет собой хорошо замаскированный мир внешний, языковой. Но все, что может быть выражено, выражается только через язык, а он требует конвенциональности. В таком случае либо язык не способен выразить индивидуальную сущность, так как выражает только доступное всем, либо он создает иллюзию ее наличия.

2. Декомб и критика ментализма

Декомб называет философию сознания ментализмом за то, что она ассоциирует субъективность с внутренним, приватным: «может вполне казаться, что новый ментализм поддерживает так называемую “философию субъекта” (или философию cogito), которая всегда отставала — вопреки проповедникам “смерти автора” или “конца человека” — идею того, что у книг на самом деле есть авторы и читатели.<...>Атрибут ментальности принадлежит в первую очередь тому, что происходит внутри кого-либо и только во вторую очередь тому, что происходит снаружи: словам, жестам и письменным зна-

кам» [2, с. 3–4]. Ментализм, выступая в защиту субъекта, на самом деле не объясняет точки зрения первого лица, т.к. делает ее невыразимой. Менталистское понятие субъекта, согласно Декомбу, должно быть преодолено в пользу «дополнения агенса» — воплощенного индивида, выступающего как каузальное начало действия.

3. Деннет и критика интенциональности

Обращаясь к одному из понятий философии сознания — интенциональности — Деннет предлагает отказаться от примата внутреннего над внешним. Он утверждает, что интенциональность является не природным феноменом, а социальной конструкцией, прагматически удобной для описания и объяснения поведения сложных систем. Он называет ее приписанной интенциональностью: мы допускаем, что система обладает убеждениями, желаниями и иными ментальными состояниями, и на основании этого делаем предсказания о ее поведении. Если они оказываются успешными, то перед нами находится тот, кто обладает интенциональностью. Интенциональность, таким образом, не является внутренней: убеждения и желания не существуют внутри индивида, а приписываются ему.

4. Рассел и критика феноменологии

Обращение Рассела к проблематике субъекта связано с его попыткой дать определение знанию. Специфика ментального (mind), согласно Расселу, состоит в интенциональности, но подходы феноменологов к ее определению неверны из-за разделения на содержание ментального и объект. Отказ от понятия менталистского субъекта становится явным, когда Рассел критикует феноменологическую интерпретацию того, является ли знанием ощущение, за то, что, согласно ей, следует различать акт ощущения и его содержание. Постулирование этого разрыва ведет к тому, что необходимо допускать существование субъекта — того, кто осуществляет акт ощущения. Но для Рассела «субъект — это логическая фикция <...> Он вводится не потому, что обнаруживается в наблюдении, но потому, что это лингвистически конвенционально и очевидно требуется грамматикой. Номинальные сущности подобного рода могут существовать, а могут и нет, но не существует веских оснований для допущения их существования» [3, с. 117].

Таким образом, отказ от понятия субъекта в философии оправдан, если речь идет о менталистском понимании субъекта. Именно критике этого смысла был посвящен пафос французской философии, провозглашавшей «смерть субъекта», а также построения англо-американских философов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
2. *Descartes V.* The Mind's Provisions: a Critique of Cognitivism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001. 284 p.
3. *Russell B.* The Analysis of Mind. London: Routledge, 2006. 264 p.

*Юлия Александровна МАКАРТЕЦКАЯ
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва*

АНТИРЕДУКЦИОНИСТСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ СОЗНАНИЯ

В соответствии с базовыми положениями антиредукционизма, сознание невозможно редуцировать к физическим предметам и фактам, существующим в мире и представляющим мир как таковой в его совокупности. О сознании запрещается говорить с независимой точки зрения как бы «третьего лица» и пытаться описывать его как физическую субстанцию или процесс, т.к. сознание обладает «квалиа», множеством переживаний, доступных только его обладателю. Сознание по природе своей внепространственно; его, безусловно, нельзя определить остенсивным путём; т.е. оно существует не физически. Конечно, ментальные образования (нефеноменальные), например, обучение, могут быть подвергнуты функциональному анализу. Однако функциональный анализ упус-

кает из вида тот факт, что любая реализация функции, будь то мышление, обучение или жизнь, сопровождается специфическим субъективным опытом, суть которого не исчерпывается исполняемой им каузальной ролью, — одной этой роли недостаточно для объяснения феноменальной природы сознания. «Редуктивное объяснение — это, скорее, демистифицирующее объяснение... оно не исчерпывает и не завершает всякое объяснение. Его главная роль состоит в том, чтобы устранить глубинное ощущение таинственности, окружающей высокоуровневый феномен» [1, с. 74].

Редуктивное объяснение феноменального имеет значение только тогда, когда феномен является логически супервентным в отношении физического. Сознание можно признать своеобразным продуктом деятельности мозга, но лишь с той оговоркой, что мозг не является единственной и конечной причиной возникновения феноменального сознания. Не вызывает сомнения, что одинаковые события могут иметь разного рода причины, и что память с точностью воспроизводит образы нашего прошлого. Каждый отдельный мозг приходит в определённое состояние элементов нейронных сетей в силу действия разных на то причин. Даже если предположить существование полностью идентичного нам субъекта, то у него будет при этом всегда своя персональная каузальная история и соответствующие ей воспоминания. Следовательно, нужно признать, что сознание не супервентно в отношении мозга.

Нередуцируемость сознания к миру физического стала предметом специального обсуждения с появлением в свет статьи Т. Нагеля «Каково быть летучей мышью?» (1974), где был постулирован тезис о невозможности изучения субъективного опыта другого сознания. Вслед за этим были предложены т.н. «аргумент от знания» Ф. Джексона (утверждающий, что, несмотря на знание всех особенностей функционирования организма, мы ничего не знаем о «квалиа») и «аргумент от представимости зомби» Д. Чалмерса (демонстрирующий, что нефизические свойства существуют). Аргументы «китайской комнаты» Дж. Сёрла, «китайской нации» Н. Блока и «от инверсии спектра» (С. Шумейкер, Н. Блок) также подвергают функционалистское объяснение сознания критике. Перечисленные философы составляют т.н. плеяду «дуалистов свойств», или же нередуктивных физикалистов (дуализм субстанций в современной науке крайне непопулярен). «Дуалисты свойств» признают, что существует только одна материальная суб-

станция, но при этом настаивают, что сознание связано с определённым набором нередуцируемых к материальной реальности свойств, которые эмерджентно порождаются деятельностью мозга. Сюда относятся следующие теории: 1. Панпсихизм (Д. Чалмерс, Ф. Гофф). Эта теория ведёт к отрицанию «аргумента от представимости» и к утверждению о невозможности говорить независимо и объективно о «вещах самих по себе». 2. Эпифеноменализм. Против этой теории в качестве аргумента выдвигаются результаты эксперимента Б. Либета, «эволюционистский аргумент» и т.н. «парадокс Элитцура». 3. Интеракционизм. Эта теория ведёт к отрицанию принципа каузальной замкнутости физического. 4. Локальный интеракционизм В.В. Васильева (попытка примирить интеракционизм с принципом каузальной замкнутости физического). 5. Биологический натурализм Дж. Сёрла.

В отдельную группу можно выделить антиредукционистски настроенных философов, связанных с трансцендентализмом кантовского образца: их объединяет изначально скептическое отношение к самой возможности постижения сознания (Н. Хомский, К. МакГинн). Сознание в этом случае полагается особой сферой реальности, для изучения которой недостаточным признаётся привычный «объектный» язык научного описания. Самым важным для трансцендентализма является то, что выявить и обозначить условия формирования мира в предлагаемых этим же миром границах оказывается невозможным.

Признание дуализма в любой его конфигурации неизбежно приводит к возникновению проблемы ментальной каузальности, адекватное и убедительное решение которой никто из дуалистов к настоящему времени предложить не смог.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, 2013. 512 с.
2. *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М.: УРСС, 2013. 240 с.

*Максим Дмитриевич МИРОШНИЧЕНКО
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва*

ФЕНОМЕНАЛИЗАЦИЯ ПРИРОДЫ ИЛИ НАТУРАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ?

МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И КОГНИТИВНОЙ НАУКОЙ

Среди некоторых представителей философии сознания последних десятилетий стало принято говорить о нередуцируемом аспекте сознательного опыта — «квалиа», феноменологическом переживании качества, не передаваемом в виде пропозиционального знания. Когнитивная наука, стремящаяся объяснить работу сознания, лишь в недавнее время осуществила поворот в сторону исследований в перспективе первого лица, встраивая субъективные отчеты о «квалиа» в научно валидное «объективное» описание интерсубъективно наблюдаемого поведения. Все это, однако, сохраняет, по Дж. Левину, «разрыв в объяснении», где исчерпывающая каузальная экспликация нейронных механизмов оказывается недостаточной для экспликации феноменальных состояний, порождаемых ими: знание активности определенных групп нейронов, ответственных за переживание боли категориально отличается от переживания боли [1]. Преодоление этого объяснительного разрыва между нейрофизиологическим и феноменальным — один из способов разрешения «трудной проблемы сознания».

Несмотря на распространенный скептицизм в связи с вопросом интеграции феноменологии (понятой в широком смысле как «континентальная» философия сознания) и эмпирических исследований сознания (включающих междисциплинарные проекты когнитивной науки, наук о мозге, языке, ИИ и т.д.), существует ряд прецедентов их успешного взаимодействия, давшего интересные и важные результаты, обогащающие понимание работы сознания.

Примерами тому могут служить:

1. «Нейрофеноменология» Ф. Варелы, разработавшая теорию шизофрении в связи с нейрофизиологическими дисфункциями, коррелирующими с неправильной работой протенции [2];
2. «Front-load феноменология» Ш. Галлахера, применяющая феноменологические инсайты в дизайне эксперимента, к примеру, в исследованиях досознательного функционирования тела в действии (различие «sense of agency» и «sense of ownership») [3];
3. Энактивизм: например, попытка интеграции феноменологии и вопроса о метаболизме и искусственной жизни у Т. Фрёзе [4].

Все эти проекты исходят из предпосылки взаимного обогащения концептуальных аппаратов философии и науки. Речь идет о «натурализации» феноменологических исследований, т.е. о приведении философии к строгому соответствию современным представлениям о научных методах исследования сознания. Для нейрофеноменологии важным является обучение испытуемых приемам феноменологии — редукции, *epoche*, методу варьирования и т.д.; при этом методологический принцип «взаимных ограничений» вынуждает строго фиксировать корреляции между феноменологическими событиями и их предполагаемыми нейронными коррелятами. Когда испытуемый обнаруживает, что феноменальное состояние, в естественной установке кажущееся простым и односоставным, по проведению редукции оказывается сложным и включающим несколько аспектов, необходимо экспериментально установить соотнесенность этого феноменологического открытия с соответствующими ему нейронными процессами [2, р. 341-342]. В этом случае требуется рассмотреть, не является ли нейрофизиологический коррелят сложного феноменального процесса столь же комплексным, включающим работу множества взаимодействующих каузальных факторов. Таким образом, устанавливается *методологический паритет* феноменологии и нейронауки, в дальней перспективе приближающий к разгадке «трудной проблемы сознания».

Однако, несмотря на сомнительность идеи преодоления «трудной проблемы» в рамках «научно информированной» феноменологии (разрыв в объяснении все равно сохраняется, поскольку

корреляция феноменологического и нейрофизиологического остается догматически принимаемой предпосылкой — совсем не в духе феноменологической беспредпосылочности, см. [5]), можно задаться еще более принципиальным вопросом. За кем из участников этого паритета остается последнее слово? На мой взгляд, за наукой, ведь постановка вопроса «окончательного объяснения» феноменального сознания принадлежит домену естествознания, которое, как утверждал Гуссерль, коренится в дофеноменологической естественной установке.

Как утверждает Д. Захави, натурализация феноменологии превращает ее в лучшем случае в феноменологическую психологию, отбрасывая трансцендентальное измерение сознания. Натурализация перенимает ряд приемов феноменологии, превращая их в объяснительный аппарат, очищенный от каких-либо отсылок к трансцендентальному конституированию и смешивающий их с наивными установками объективизма естествознания [5, p. 339].

Более того, несмотря на то, что современный натурализм представляет собой гетерогенное множество программ, общими многим его разновидностям являются несколько установок: 1) *метафизический реализм* — стремление к «виду из ниоткуда», связанное с представлением об истине как соответствии, и ведущее к «методологической автаркии», когда природа описывается наукой вне отсылок к познающему субъекту из соображений «объективности» — в то время как для феноменологии материальная природа сама нуждается в конституировании; 2) идея *репрезентации*, сводящая познавательную активность субъекта к точному отображению мира, что ведет к раздвоению онтологии на мир «в себе» и «для нас»; уже для «прямого реализма» Гуссерля или Сартра иллюзия ноуменального «мира за сценой» является предрассудком: отношение между данностью мира и реальным миром отнюдь не является внешним и контингентным [6, p. 360].

Насколько совместимы феноменология, понимаемая как трансцендентальное исследование сознания, и естествознание? Как утверждает Н. Депра, феноменологическая редукция предполагает отказ от редукционизма естествознания: интеграция феноменологии и науки предполагает не только отказ феноменологии в правах на построение спекулятивных конструктов, но и всестороннюю феноменологическую критику науки [7, p. 473].

Выделим «сильную» и «слабую» программы натурализации:

1) *сильная программа*: отказ от трансцендентального измерения сознания и прямая интеграция феноменологии и эмпирических исследований с наводкой на разрешение трудной проблемы сознания / преодоление разрыва в объяснении;

2) *слабая программа*: натурализованный трансцендентализм, сохраняющий амбиции классического трансцендентализма, однако интегрирующий нововведения наук о разуме, встраивая исследования сознания в контекст более общей «первой философии». Натурализации подвергается феноменологическая психология, исследующая жизнь сознания с опорой на отчеты «от первого лица» без проведения процедур феноменологической редукции, смещающих исследовательский акцент на инвариантные (трансцендентальные) структуры сознания.

Возможна ли интеграция феноменологии и научных исследований сознания *при сохранении трансцендентальной установки*? На мой взгляд, путеводной нитью для такой «неагрессивной» интеграции может стать проект «эпигенетического трансцендентализма» К. Малабу совместно с энактивистской идеей «структурного сопряжения» в натурализованной феноменологии [8]. Эти идеи позволяют реконструировать холистически ориентированную генетико-феноменологическую «философию природы», дающую ответ на вопрос о сознании и его месте в природе, и отталкивающую исключительно от имманентного феноменального опыта. Следовательно, «слабая» натурализация феноменологии как философски состоятельная программа должна быть дополнена «феноменологизацией природы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Levin J.* Materialism and Qualia. The Explanatory Gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1983. № 64. P. 354–361.
2. *Varela F.J.* Neurophenomenology. A Methodological Remedy for the Hard Problem // *Journal of Consciousness Studies*. 1996. Vol. 3. № 4. P. 330–349.
3. *Gallagher S.* Phenomenology and Experimental Design: Toward a Phenomenologically Enlightened Cognitive Science // *Journal of Consciousness Studies*. 2003. Vol. 10. № 9-10. P. 85–99.
4. *Froese T., Stapleton M.* The Enactive Philosophy of Embodiment: From Biological Foundations of Agency to the Phenomenology of Subjectivi-

- ty // *Biology and Subjectivity: Philosophical Contributions to Non-Reductive Neuroscience*. Springer, 2016. P. 113–129.
5. *Zahavi D.* Phenomenology and the Project of Naturalization // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 3. P. 331–347.
6. *Zahavi D.* Internalism, Externalism and Transcendental Idealism // *Synthese*. Vol. 160. 2008. № 3. P. 355–374.
7. *Depraz N.* When Transcendental Genesis Encounters the Naturalization Project // *Naturalizing Phenomenology: Issues in Contemporary Phenomenology and Cognitive Science*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999. P. 464–488.
8. *Malabou C.* *Before Tomorrow: Epigenesis and Rationality*. Malden, MA, Cambridge: Polity Press, 2016. 224 p.

Александр Игоревич МУСС
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

КОГНИТИВНАЯ НАУКА КАК ПОИСК РЕШЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

Парадигма современной когнитивной психологии, включающая большое число философских концепций, претендует на решение фундаментальных философских проблем, которые были сформулированы задолго до появления данной научной области. Вопрос, который я бы хотел сформулировать в своем исследовании — это вопрос о том, насколько такие решения оказываются новыми и продуктивными в теоретическом отношении для современной философии.

В отношении такой глобальной темы, как сознание, обнаруживается, что современные теории сознания, на которые опирается когнитивная наука, стремятся не только разрешить проблему картезианского дуализма, объяснив идеальность содержания сознания

как функцию ее предполагаемого материального носителя — головного мозга, но также, опираясь на эволюционную теорию, стремятся определить значение сознания для человека как для представителя биологического вида [1].

В отношении проблемы соотношения идеального и материального исследователи-когнитивисты предлагают информацию [2] в качестве связующего звена между идеальными состояниями сознания и материальными структурами физического мозга. Однако это лишь одна из возможных систем координат, в которой материальное и идеальное выступают по отношению к друг другу и к сознанию. При этом обе рассматриваемые категории — и материальное, и идеальное, вмещают в себя, согласно концепции Э.В. Ильенкова [3], намного большее количество явлений, чем изолированный человеческий мозг и феномены единичного сознания.

Кроме того, сам поиск промежуточного звена в философском смысле не оказывается новым — например, примерно за 60 лет до когнитивной революции философский антрополог Арнольд Гелен также предлагает для своих исследований найти точку, в которой материальное и идеальное в человеке оказывается чем-то единым [4], а до него различные попытки решить проблему соотношения материального и идеального с помощью некоего «терминологического моста» предпринимались различными авторами от Спинозы [5] до Эрнста Маха [6]. Таким образом, новизна подхода когнитивистов здесь заключается в том, что они опираются на относительно новое для философии понятие информации в качестве связующего звена между материальным и идеальным.

Для объяснения роли сознания как необходимого для выживания механизма некоторые когнитивные исследователи предпринимают попытки связать сознание с восприятием [7]. В этом контексте восприятие, как и любой другой процесс, требует своих оснований — в 1976 была сформулирована модель перцептивного цикла У. Найссера [7], которая опирается на две значимых в истории философии идеи: диалектику Г. Гегеля [8] и учение И. Канта об априорных формах чувственности [9].

Кроме того, и теория перцептивного цикла Найссера и созданная несколько позже теория интеграции признаков во внимании Э. Трейсмана [10] не только сталкиваются с обозначенными еще Кантом проблемами обоснования чувствительности, но даже сле-

дуют строго по одному из двух возможных путей такого обоснования, также представленными Кантом в своей первой Критике [9].

Таким образом, когнитивная наука в отношении своих философских целей и притязаний, с одной стороны, продолжает использовать терминологические, теоретические и концептуальные находки XIX–XX века. С другой стороны, большинство нововведений оказываются связаны с использованием понятия «информация». По этой причине при работе в рамках когнитивных исследований необходимо не только учитывать опыт и результаты эмпирических исследований, но и использовать теоретический опыт философии, в том числе формулировки исходных проблем и способы их решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bermúdez J.L.* Cognitive science: An introduction to the science of the mind. New York: Cambridge, 2010. 516 p.
2. *Tononi G.* Consciousness as Integrated Information: a Provisional Manifesto // *Biological Bulletin*. 2008. №. 215. P. 216–242.
3. *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // *Логос*. 2009. №. 1. С. 6–62.
4. *Гелен А.* О систематике антропологии // *Проблема человека в западной философии: Переводы*. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.
5. *Спиноза Б.* Этика. СПб.: Азбука, 2016. 336 с.
6. *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 458 с.
7. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: «Прогресс», 1981. 232 с.
8. *Гегель Г.* Феноменология духа. СПб.: Академический проект, 2008. 768 с.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
10. *Treisman A.M., Gelade G.* A feature-integration theory of attention // *Cognitive psychology*. 1980. №. 12 (1). С. 97–136.

*Дарья Олеговна МУХИНА
ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль*

ЧТЕНИЕ МОЗГА

Важно понимать, что ни один ученый не знает наверняка, как работает мозг, или как возникают мысли и эмоции. Число предпринятых попыток разобраться в устройстве мозга увеличилось за счет публикации тезиса «ошибка Декарта» в ведущих научных журналах [1, р. 342]. Несостоятельность Декартовского дуализма заключается в неверном суждении о существовании моста между мозгом и сознанием в шишковидной железе, и непринятии материальной, физической и биологической природы сознания [2, р. 193].

Но возможно ли сегодня одному человеку «прочитать» мысли и чувства другого? И если это доступно любому, то как насчет представителей органов власти или же уголовного правосудия, а также лиц из служб безопасности? Некоторые события, происходящие в современной нейронауке, предполагают ответ на эти вопросы «да». Тем временем философы продолжают обсуждать «сложную проблему» и целый ряд технологий визуализации работы головного мозга, основанных на характерных закономерностях его активации, а также позволяющих идентифицировать определенные психические состояния и даже конкретные мысли [3, р. 1]. Среди существующих способов «чтения» мозга отмечают разработанный еще в XX веке метод, например, детектирования лжи, без нейровизуализации, и нейровизуализационный (электроэнцефалография, функциональная магнитно-резонансная томография и функциональная ближняя инфракрасная спектроскопия), который в будущем может стать более сложным и инвазивным [4, р. 45].

Несмотря на мирские интересы тех, кто финансирует большую часть работ, направленных на понимание устройства мозга, широкую популярность данной проблемы в СМИ, потенциально возможное практическое применение полученных данных в меди-

цинских и социально-политических целях, существует целый ряд этических проблем [5, p. 197].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fallon J.H.* Neuroanatomical Background to Understanding the Brain of the Young Psychopath // Ohio state journal of criminal law. 2006. Vol. 3. № 2. P. 341–367.
2. *Damasio A.R.* Descartes' Error Revisited // Journal of the History of the Neurosciences. 2001. Vol. 10. № 2. P. 192–194.
3. *Rose N.* Reading the Human Brain: How the Mind Became Legible // Body & Society. 2016. Vol. 22. Issue 2. P. 1–38.
4. *Blitz M.J.* Lie Detection, Mind Reading, and Brain Reading // *Blitz M.J.* Searching Minds by Scanning Brains. Palgrave Macmillan, 2017. P. 45–58.
5. *Ryberg J.* Neuroscience, Mind Reading and Mental Privacy // Res Publica. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 197–211.

Надежда Николаевна НЕМЕШ
Институт философии РАН, г. Москва

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ И МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Цель данного исследования — рассмотрение проблемы определения онтологического статуса интенциональности и ментальных репрезентаций в рамках современной философии. Под ментальными репрезентациями в данном случае подразумеваются желания, верования и мысли.

Обсуждая проблему онтологического статуса ментальных репрезентаций, стоит выделить три основных взгляда по этому вопросу, среди которых позиции реализма, элиминативного материализма, а также инструментализма.

Основным представителем инструментализма можно назвать философа и экспериментального психолога Джерри Фодора. Реалист Фодор разработал систему, согласно которой ментальные репрезентации функционируют на основе особого языка, а именно «ментализа» [1]. Философ также называет подобный язык *language of thoughts*, языком мыслей. Этот язык работает по аналогии с языком естественным и обладает собственной семантикой и синтаксисом. «Ментализ» при этом — некий посредник между мозгом и естественным языком. Теория философа работает в рамках популярной в когнитивных науках компьютерной метафоры, согласно которой можно сравнивать мышление человека с работой компьютера. Также важной частью проекта объяснения природы ментальных репрезентаций является психология здравого смысла или, если иначе, народная психология, с помощью которой предсказывается поведение людей, и объясняются ментальные репрезентации ему сопутствующее.

Среди аргументов, которые выдвигаются в защиту реализма, стоит выделить следующие:

1. Мыслительный процесс работает с помощью предложений, похожих на предложения естественного языка.
2. Человеческое сознание обладает возможностью генерировать огромное количество мыслей, а значит должно обладать каким-то механизмом для этого.
3. Мысли связаны между собой и следуют друг за другом.

Противники реализма указывают на затруднения, с которыми сталкивается эта теория:

1. Неясно, каким образом ментальные феномены работают не только синтаксически, но обретают семантическое значение.
2. Научный статус научной психологии сомнителен.
3. Если ментализ — лишь посредник между естественным языком и мозгом, на чём же он сам базируется?
4. Проблематично представление о том, что наше мышление работает по аналогии с компьютером.

Следующая позиция по отношению к ментальным репрезентациям — элиминативный материализм. Заключается она в том, что ментальные состояния не реальны и их стоит вовсе элиминировать. В объяснении же поведения стоит опираться на естественные науки, в частности на нейробиологию. Подобной позиции

придерживаются многие исследователи, но на данный момент самые яркие представители элиминативизма — философы Пол и Патрисия Чёрчленды.

Основной аргумент этих философов против реализма состоит в утверждении ложности народной психологии. По их мнению, предсказательная сила психологии здравого смысла чрезмерно низка, тогда как у нейронаук в потенциале невероятно велика. Кроме того, народная психология бессильна в объяснении множества феноменов, таких как, например, сон.

Противники ментального элиминативизма указывают на то, что феноменальные качества даны нам непосредственно, редуцировать их не так уж просто. Против элиминативизма также выдвигается аргумент самоопровержения: теория элиминативного материализма в некотором роде строится на положениях народной психологии.

Третья позиция по отношению к онтологическим репрезентациям носит название “инструментализм”. Её основной защитник — философ Дэниел Деннет. Основа его теории в том, что ментальные репрезентации или, если иначе, интенциональность — это не реально существующие феномены, а удобная концепция, от которой науке отказываться не продуктивно. В данном случае интенциональность стоит воспринимать как метафору, удобную для предсказания поведения рационального агента. Агентом при этом может выступать не только человек, но и животное и даже компьютер. Деннет выделяет три предсказательные позиции: физическую, с максимальным предсказательным потенциалом, дизайн-позицию и собственно интенциональную позицию.

Противники инструментализма или, как его называет сам Деннет, смягченного реализма, выдвигают различные аргументы против этой позиции. Среди них можно выделить предположение философа Томаса Нагеля о том, что Деннет оказывается чрезмерно самоуверен: некоторые из состояний сознания, по мнению Нагеля, невозможно таким образом объяснить и редуцировать. Представители же социальной парадигмы настаивают на том, что Деннет, приписывая рациональность даже компьютерам, нивелирует достижения человеческой культуры.

Здесь были рассмотрены три основных позиции по отношению к онтологическому статусу ментальных репрезентаций. На данный момент этот вопрос остается дискуссионным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fodor J.A.* The Language of Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 214 p.
2. *Churchland P.M.* Eliminative Materialism and the Propositional Attitudes // The Journal of Philosophy. 1981. Vol. 78. Feb. № 2. P. 67–90.
3. *Dennett D.C.* Real Patterns // The Journal of Philosophy. 1991. Vol. 88. No. 1. P. 27–51.
4. *Dennett D.C.* True believers: The intentional strategy and why it works // Scientific Explanation: Papers Based on Herbert Spencer Lectures Given in the University of Oxford. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 150–167.

Александр Максимович ПАРНАХ
Московский технологический университет (МИРЭА),
г. Москва

**СУБЪЕКТ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ
ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭПОХИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Основные экзистенциальные противоречия, сопровождающие бытие человека, связаны преимущественно с поиском границ и пределов индивидуального человеческого существования. Человек стремится к отдельности, самостоятельности, и, одновременно, к совместности, к жизни в сообществе, понимая собственную зависимость от других людей. Стремление человека к свободе и свободному волеизъявлению сталкивается с внешней необходимостью; желание обрести смысл жизни — с абсурдностью бытия; устремленность человека в вечность, утверждением им вечных идеалов наталкивается на понимание конечности собственной жизни [1].

Экзистенциальный мир человека, в котором субъект проектирует и выбирает себя, меняется под влиянием систем и технологий

искусственного интеллекта, ставшего одним из основных экзистенциальных вызовов информационного общества.

Так, экзистенциалисты утверждают, что свобода есть там, где есть выбор. Более того, человеческое «Я» только тогда и существует, когда человек выбирает: человек становится свободным благодаря своей деятельности. Социальное пространство Интернета и технологии информационного общества позволяют человеку экспериментировать со своей идентичностью, быть «Другим», примерить на себя возможные личности, виртуальные «Я». В новой информационной реальности человек приобретает возможность не только «быть», но и «казаться» тем, кем он захочет [2].

Существует проблема коммуникативной перенасыщенности индивида в информационном обществе, связанная с информационной перегруженностью среды существования. Я современного человека, как центр субъектности, растворяется в информационных потоках [3].

Еще один аспект: манифестация человеческого существования до текущего момента происходила в контексте его лидирующих позиций среди живых существ, населяющих нашу планету. Вместе с тем, тысячелетия существования *Homo sapiens* привели к ситуации, в которой появилась отдаленная перспектива создания общего искусственного интеллекта, не только равного нам, но и превосходящего нас во многих, если не во всех, аспектах мыслительной деятельности.

В массовом сознании и в среде профессионалов риски развития искусственного интеллекта связываются, прежде всего, с возможной физической угрозой со стороны сильного искусственного интеллекта, чью логику поведения мы уже не сможем понимать и предсказывать. С. Омохундро, в частности, приводит пример с роботом, которому было поручено бороться со спамом, и который пришел к выводу о том, что самый надежный способ остановить нежелательные рассылки — ликвидировать всех людей [4].

Не менее важна проблема трансформации человеческой сущности. Системам и технологиям искусственного интеллекта постепенно передаются человеческие функции принятия решений, управления. В развитых странах производства автоматизированы, а современным компаниям уже не нужно такое количество сотрудников. С развитием технологий беспилотного вождения и эффективного распознавания речи могут быть автоматизированы ра-

бочие места таксистов, водителей грузовых автомобилей, операторов колл-центров и сотрудников технической поддержки [4, 5]. Формула «образование — это ключ к трудоустройству и успеху» начинает давать сбой. В новой, зарождающейся экономике в качестве «лекарства» многими политиками и экономистами предлагается безусловный базовый доход, который выплачивался бы всем совершеннолетним гражданам государства вне зависимости от статуса их трудоустройства. Но для многих людей работа — если не призвание, то часть их идентичностей, место социализации и источник получения чувства морального удовлетворения.

Будет ли свободен человек «по ту сторону материального производства»? Сможет ли найти себя, свою идентичность, в состоянии постоянной праздности? Сможет ли человек в этом новом обществе реализовать свою сущность и быть автономным, ответственным субъектом?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фромм Э.* Человек для самого себя. М.: АСТ, 2010. 352 с.
2. *Никитина Е.А.* В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли «Я»? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 5. С. 31–44.
3. *Труфанова Е.О.* Коммуникативная «перенасыщенность» индивида в информационном обществе // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Сборник трудов X Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, МИРЭА, 27-28 апреля 2017 г. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. С. 258–262
4. *Omohundro S.* Autonomous technology and the greater human good, Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence. 2014. 26:3. P. 303–315. DOI: [10.1080/0952813X.2014.895111](https://doi.org/10.1080/0952813X.2014.895111).
5. *Tesar D.* Next Wave of Technology, Intelligent Automation & Soft Computing. 2016. 22:2. P. 211-225. DOI: [10.1080/10798587.2015.1118202](https://doi.org/10.1080/10798587.2015.1118202).

Антон Павлович ПОПОВ
МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК КОНФЛИКТ САМОРЕФЕРЕНЦИЙ

Процесс познания представляет собой самореферентный процесс конструирования, обусловленный самой организацией (подчиняющейся принципу круговой причинности [1, с. 139]) познающего субъекта, т.е. «наше конструирование не является предметом специального внимания» [2, с. 75]: конструирование реальности включено в конструирование самого «Я», идентичности познающего субъекта, которое наблюдает себя включенным в конкретную реальность.

Конкретные реальности целиком принадлежат настоящему — ситуациям «здесь-и-сейчас», т.е. «Я» каждый раз конструирует себя и реальность заново, и «всякий раз немного иначе» [3, с. 100]. Прошлое и будущее в сознании индивида заключены в его сознаваемом настоящем, таким образом, они «принадлежат исключительно когнитивной области наблюдателя» [4, с. 126]. Будущее представлено в качестве плана действий, а прошлое — в памяти индивида.

Именно память обеспечивает единство самовозобновляющейся идентичности индивида. Единство самовозобновляющейся идентичности — это то единообразие, которое мы обнаруживаем в опыте самонаблюдения. Используя логику рассуждений Дж. Г. Мида касательно референции в научном познании [5, с. 201], можно сказать, что конкретные внутренние состояния индивида (квалиа), которые возникают в результате его самоконструирования, отсылают нас не к произведенному в этом процессе самосознанию «Я» в ситуациях «здесь-и-сейчас», а к такому их единообра-

зию в поле опыта, которое позволяет не только дать им широкое обобщение, но позволяет продолжаться процессу познания, а значит и процессу жизнедеятельности [1, с. 214]. Такое единообразие входит в настоящее познавательного акта индивида в качестве его прошлого, то есть в качестве индивидуального опыта предшествующих внутренних состояний. Подобное разделение «фаз» в самосознании мы находим и у д-ра Мида [6, с. 165–169]. Стоит отметить, что упомянутое единообразие является продуктом организации познающего субъекта, но не самой этой организацией, то есть входит в когнитивную область субъекта.

В единообразии заложена способность субъекта к пресуппозиции — так в его настоящем обнаруживается его будущее. Так пресуппозиция возникает из единообразия вследствие круговой организации познающего субъекта: «что произошло однажды, произойдет вновь» [4, с. 112], что отсылает ее к прошлому, замыкая круг и оставляя в когнитивном поле наблюдателя только его настоящее. Само единообразие, являясь результатом организации познающего субъекта, представляет собой кроме того ту систему отсчета, относительно которой субъект осуществляет конструирование «здесь-и-сейчас», однако, единообразие не является единичным и специфическим для субъекта на протяжении всего его существования.

Познающий субъект в своей пресуппозиции выбирает для себя такое поведение, которое было им предсказано через его единообразие, что результируется в том действии, которое затем оценивается им в рамках системы отсчета его единообразия, что приводит к результирующему конструированию новому единообразию, затем весь процесс повторяется вновь и вновь — самореферентно и кругообразно. Этот процесс порождает собой логически непротиворечивую с точки зрения наблюдателя в его когнитивном поле смену пресуппозиций и поведения [4, с. 134], а значит, и единообразия, которая позволяет поддерживать познающему субъекту собственную целостность в новом единообразии, т.е. изменчивости подвержены компоненты организации, но не сама ее система. Таким образом, мы видим, что в самом способе организации познающего субъекта через смену пресуппозиций и соответствующий им выбор поведения разрешается изначально заложенный в этом способе организации (вследствие ее кругообразности) конфликт самореференций, выпадающий из когнитивного поля субъекта, который и позволяет субъекту продолжать процесс самокон-

струирования, а значит, и сам процесс своей жизнедеятельности, создавая для субъекта условие возможности для его развития и создания нового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen: PHREN, 2000. 332 с.
2. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen: PHREN, 2000. С. 74-98.
3. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопр. философии. 2013. № 10. С. 91–104.
4. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. Сб. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 95–142.
5. Мид Дж.Г. Философия настоящего // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.
6. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с.

Юлия Сергеевна ПОПОВА
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТА В «НОВЫХ ОНТОЛОГИЯХ»

В историко-философском контексте понятие субъекта продолжает выполнять функцию кодификации методологически разрозненных направлений. В самом общем виде сценарии обращения с этим понятием заостряются или на заключении субъекта в

скобки или, напротив, на реабилитации его статуса. Начиная с XX века, в срезе модернистской абсолютизации субъективности (осуществленной, в том числе, и в рамках «антропологического поворота»), последний подход только усиливает свои позиции и даже становится инструментом, отделяющим зерна от плевел. В этом отношении репрезентативно замечание Х.У. Гумбрехта, сделанное в работе «Производство присутствия» [1], о том, что отныне любая логика, которая не вписывается в дискурсивный способ аналитики с доминантой в виде субъекта, попадает под подозрение в наивном субстанционализме, а автор, транслирующий эту логику, обвиняется в «плохом интеллектуальном вкусе» [1, с. 62].

В силу указанного представляется неслучайным становление нового этапа в переосмыслении понятия субъекта. В рамках последних нескольких лет возникает ряд новых философских направлений: акторно-сетевая теория, онтикология, объектно-ориентированная онтология, спекулятивный реализм. Ключевых представителей этих направлений объединяет интенция, направленная на преодоление экспансии субъекта и субъект-объектной парадигмы.

Новые онтологии — это, преимущественно, онтологии плоскости, горизонтальные онтологии, уравнивающие позиции центра и периферии. Интересно, что общим местом этих направлений является выбранный ими ряд мишеней: иерархия, вертикаль, привилегированность человеческого доступа. Именно этим рядом, по мнению адептов новых онтологий, характеризуется то обоснование понятия субъекта, которое отводит ему особое центральное место, и ту расстановку сил, где субъект заведомо располагается выше, чем подчиненные ему объекты. Обозначенный ряд мишеней фактически указывает на оппонирование логике и ключевым ставкам институциональной формы производства и реализации философского знания, которая предполагает наличие магистрального исследовательского взгляда, вынесение изначальной гипотезы исследования, то есть оптики, необходимой для фокусировки на проблеме.

Соответственно, понятие субъекта исполняет роль повода для оппонирования, краеугольного камня: это понятие заново собирается и переосмысливается для того, чтобы наметить границы размежевания с «противником», и тем самым нащупать свое концептуальное поле. Таким образом, очередное становление

форсированной трансформации понятия субъекта в современной философии служит не столько уточнению, прояснению этого понятия, сколько попытке найти завязку для развития сюжета новых философских проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение М.: Новое литературное обозрение, 2006. 179 с.

Рустам Юнусович САБАНЧЕЕВ
Государственный академический университет
гуманитарных наук,
г. Москва

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

ВРЕМЯ, ПРЕЛОМЛЕННОЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЗНАНИЯ*

Историки, философы, психологи и социологи, интерпретируя феномен коллективной памяти, разработали несколько различных теорий. Их суть сводилась к определению, описанию функций коллективной памяти, а также разделению её на различные типы. Так, появились версии, что коллективную память следует понимать в разрыве с исторической¹. Её основные формы — социальная память, культурная память, политическая память (по версии А. Ассман). Однако, к примеру, существует версия, что коллек-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 16-18-1-229 «Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте взаимодействия философии и когнитивных наук».

¹ По мнению М. Хальбвакса, коллективная память, в отличие от исторической, носит множественный характер. Более того, коллективная память сохраняет только актуальную для социальной группы часть прошлого. История, напротив, представляет собой реконструкцию событий, деление прошлого на периоды.

тивная память и та же социальная память не подчиненные друг другу понятия, а всего лишь синонимы.

В докладе речь пойдет о временных модулях коллективной памяти. Если её дистрикцию с историей мы понимаем достаточно принципиально, то как разделить саму коллективную память в плоскости времени? И стоит ли? Начнем с того, что практически любая событийность темпоральна. Однако при этом речь идет скорее не об астрономическом времени, которое Питирим Сорокин называл «эсперанто в делах времени». Событийность истории, коллективной памяти, укоренена в социальном времени. Оно, в отличие от астрономического, идеального, не непрерывно: «его прерывают критически важные даты» [4, с. 112]. Это время человеческого бытия, т.е. время, преломленное сквозь призму сознания, оно может замедляться и ускоряться, быть абсолютно субъективным.

При этом существуют разные методологические подходы к изучению социальных длительностей. К примеру, французский исследователь Фернан Бродель представил историческое время как многослойную конструкцию. Концепция Броделя была частично изложена в его работе «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». Он «разделил» историческое время на три части, связанные между собой. Самая изменчивая форма исторического времени — «событийная история». Бродель сравнивает её с колеблющимися волнами: «Это история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний. Сверхчуткая по определению, она настроена на то, чтобы регистрировать малейшие перемены. Но именно эти качества делают ее самой притягательной, самой человеческой и вместе с тем самой коварной» [2, с. 20]. Второй формой исторического времени Бродель — история, текущая в «медленном ритме». Это «история групп» и «коллективных преобразований». И, наконец, третья форма темпоральности — это «неподвижная история» или «longue duree». Это история, которая сводится к «к непрерывным повторам, к беспрестанно воспроизводимся циклам».

Существуют ли хронологические модули коллективной памяти? На этот вопрос косвенно дал ответ Ян Ассман. В его теории коллективная память, как структура, не целостна. Она делится на коммуникативную и культурную память. Культурная память — это память, связанная с «абсолютным прошлым» и мифами. Она может быть оформлена как ритуал: «прошлое скорее сворачивает-

ся здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [1, с. 54]. Такая форма памяти скорее является опорой общества. Благодаря ей формируется идентичность социальной группы и её членов, ведь как отмечают психологи «истинная цель ритуальных действий — не столько вызвать дождь или оплакать смерть, сколько поддержать общность, усилить смысл принадлежности к группе, разжечь веру и верность» [3]. Другая форма памяти — коммуникативная. В отличие от культурной она, по словам Ассмана, более формальна. Её временная структура, в отличие от культурной памяти, составляет всего 80–100 лет. Эти рамки сдвигаются вместе с современностью. Коммуникативная память может просуществовать от силы несколько поколений.

И все же, вероятно, временных модусов коллективной памяти куда больше, чем описал Ян Ассман. К примеру, к ним можно отнести теорию длительной трансактивной памяти. Хоть автор теории — Дениэл Вегнер — не акцентирует внимание на этом важном аспекте, но по нашему мнению, трансактивная память может быть совершенно отличной по структуре длительности от той же коммуникативной памяти. Вегнер опирается в своей работе на исследование поведения двух и более человек. По его мнению, группа (семейная пара, офисные работники), чтобы сохранить знания, создает общее «хранилище», которое представлено индивидуальной памятью каждого её члена.

Таким образом, рассуждая о временных рамках коллективной памяти, можно выделить большие длительности, когда память переходит из поколения в поколение и «живет» веками. Она в большинстве случаев передаётся коммуникативно. Те, кто ею владеют, не обязательно являются очевидцами событий. Однако, индивиды, оценивают подобную память как часть своей памяти. К примеру, такие выводы можно сделать, исходя из исследований травматического опыта и постпамяти.

Восприятие коллективной памяти в различных временных модусах говорит о её неоднородности и позволяет глубже понять этот феномен, а также структуру и генезис коллективных представлений в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/ido/psix_lich/ch10_1.html, свободный. — Загл. с экрана. (Дата обращения: 30.09.2017.)
4. *Сорокин П.А., Мертон Р.К.* Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.

*Елена Александровна СЕМЕНОВА
САФУ им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск*

ПРОБЛЕМА Я В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПОЗИТИВНЫХ СИМПТОМОВ ШИЗОФРЕНИИ

Психиатрия не так давно вошла в круг когнитивных наук благодаря двум расстройствам: аутизму и шизофрении. Оба рассматриваются как нарушение формирования и функционирования базового Я (core self). Разделение Я на как минимум два уровня — базовый и расширенный, или автобиографический (extended self) — принимается как философами, так и нейрофизиологами и психиатрами (см. А. Дамасио [1], Дж. Парнас [2], Д. Захави [3] и другие). Первый уровень одинаков для всех существ вида homo

sapiens, долингвистический, позволяет относить опыт к самому себе; второй конструируется в течение жизни на основе индивидуального опыта. Эта теория и её применение создают территорию общих интересов соответствующих наук. Выделение базового Я как особой структуры становится очевидным только при исследовании нарушений работы сознания и остаётся незамеченным при нормальном функционировании.

Доминирующим подходом к объяснению механизма функционирования базового Я и симптомов шизофрении, рассматриваемых как результат нарушения этого механизма, является теория самомониторинга Фрита и ее варианты. Предполагается, что любое сознательное существо обладает системой мониторинга, которая получает сигналы двух типов: отчет об инструкциях к действию, сознательных или нет, продуцируемых мозгом, и отчет об их исполнении (будь то телесные действия или ментальные акты). Несоответствие между этими сигналами и является причиной нарушения функционирования базового Я [4].

Отличительные черты шизофрении, которые требуют объяснения в первую очередь, — симптомы, получившие название позитивных: бред контроля, вкладывание мыслей (или чужие мысли) и слуховые вербальные галлюцинации (СВГ).

Один из альтернативных подходов к объяснению СВГ — теория Вэйна Ву. Он предлагает видеть в СВГ не внутреннюю речь, которая не поддерживается самонаблюдением, но явление, которое является результатом действия тех же механизмов, что и внутренняя речь, но не предполагает последнюю: это автоматически генерируемые слуховые состояния [5, p. 100].

Аргументы, которые Ву выдвигает против концепции самонаблюдения, таковы:

- характеристики АВГ не соответствуют характеристикам внутренней речи (интенсивность, тембр, определенный пол, даже акцент);
- она не объясняет, почему пациент может отвечать голосам, используя внутреннюю речь.
- нарушение самонаблюдения также предполагает неверные предсказания касательно СВГ. Потеря контроля и вкладывание мыслей объясняются как ошибка в определении источника действия или мыслей. Субъект расценивает действие как инициированное не им, также определяет и мысль

как чужую. По аналогии, следуя данному подходу, вместо СВГ должно возникать ощущение, что слуховые восприятия вложены в голову, но вместо этого пациент слышит чужой голос (*сам слышит, не кто-то вместо него*).

Альтернативное объяснение симптома вкладывания мыслей — подход, предложенный Ханной Пикард. Она опирается на двухфакторную модель М. Девиса и М. Колтхата. Один из факторов формирования бредового убеждения — необычный опыт, который служит для него почвой. Второй фактор — это когнитивные процессы образования и удержания убеждений, которые задействованы в формировании бредового убеждения на основе странного опыта и принятии убеждения, несмотря на его противоречие очевидности. Первым фактором для симптома вкладывания мыслей будет опыт переживания мыслей, чувств или побуждений как чуждых. Компонент приписывания их авторства другим людям или вещам относится уже ко второму фактору и может быть объяснен обнаруживаемой у шизофреников и параноиков общей для них склонностью видеть ответственными за происходящее скорее других людей, чем себя. Ключевой идеей для объяснения первого фактора, т.е. самого переживания чуждости мыслей, чувств или побуждений, является провал рационального контроля над разумом, что порождает конфликт между данными интроспекции об убеждениях индивида и обнаруживаемыми проявлениями убеждений: «Я предполагаю, что шизофреники расценивают как чужие те ментальные события, которые оказываются проявлениями ментальных состояний, по той или иной причине ими не одобряемых» [6, р. 67]. Этот вариант объяснения обвиняет теорию самонаблюдения в неспособности учесть следующие особенности симптома:

- вкладываемыми могут быть не только мысли, но также чувства и побуждения;
- критикуемая теория не объясняет, почему только некоторые мысли расцениваются как чужие, в то время как остальные по-прежнему воспринимаются как собственные.

Рассмотрение альтернативных подходов к объяснению симптомов шизофрении и механизмов поддержания *Я* позволит выяснить, выдерживает ли теория самомониторинга критику и способна ли объяснить упущенные особенности, а также выявить, какие ещё механизмы задействованы в сохранении целостности *Я*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Damasio A.* The Feeling Of What's Happening: Body and Emotion in the Making of Consciousness. New-York: Harcourt Brace, 1999. 400 p.
2. *Parnas J.* Self and schizophrenia: a phenomenological perspective // *The Self In Neuroscience And Psychiatry*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 217–241.
3. *Zahavi D.* Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2008. 266 p.
4. *Frith C. D.* The Cognitive Neuropsychology of Schizophrenia. Hove: Lawrence Erlbaum Associates Ltd., 1992. 169 p.
5. *Pickard H.* Schizophrenia and the epistemology of self-knowledge // *EuJAP*. 2010. Vol. 6. No. 2. 2010. P. 55–74.
6. *Wu W.* Explaining Schizophrenia: Auditory Verbal Hallucination and Self-Monitoring // *Mind & Language*. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 86–107.

Ася Алексеевна ФИЛАТОВА
Донской государственный технический университет,
г. Ростов-на-Дону

**ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ
«НЕЙРОНАУЧНОГО ПОВОРОТА»**

Проблема субъективности является одной из центральных в рамках современной нейронауки и в особенности тех новых направлений, которые стали результатом дисциплинарной экспансии наук о мозге в область социогуманитарного знания: нейрофилософии, нейротики, нейросоциологии, культурной нейронауки, нейротеологии и др. Практически одновременно с «нейронаучным поворотом» в философии науки, психологии, социологии стало развиваться движение, которое принято обозначать, как «нейроскептицизм» или «критическая нейронаука», призванное внести

долю конструктивного сомнения в подчас необоснованный оптимизм некоторых апологетов нейронауки.

Основной вопрос о природе субъективности в контексте противостояния «нейрооптимистов» и «нейроскептиков», звучит, на наш взгляд, следующим образом, *нейрокультура, сформированная под влиянием нейронаучных исследований, кардинально трансформирует предшествующие концепции субъективности, или же сама нейронаука является «заложником» тех эпистемологических моделей субъекта, которые развивались в европейской гуманитаристике, начиная как минимум с XVII в.?* И хотя этот вопрос сформулирован в риторическом ключе, поскольку вряд ли ответ на него может быть однозначным, все же определенный эвристический смысл он в себе несет.

Прежде всего, следует отметить, что попытки реконструировать некий единый подход к субъективности в рамках нейронаучного дискурса обречены на провал. Даже самый поверхностный взгляд на теории, которые востребуют нейронаучный категориальный инструментарий, позволяет выявить их абсолютную несовместимость. Наука о мозге стала сегодня тем источником, из которого черпают и англоязычная аналитическая, и континентальная философия; и представители конструкционизма, и последователи нового материализма; и неолибералы, и консерваторы. Причина такой всеохватности в том, что сама нейронаука, поставив во главу угла мозг и сделав его одним из центральных символов современной культуры, не имеет дело с мозгом как таковым, а с различными теоретическими метафорами и концептами, которые конструируют его в качестве предмета исследования. Мозг предстает как вычислительная машина, как орган с локализованными областями, как пластичная многоуровневая система, как центр либидозной экономики и т.п.

Мы хотели бы обозначить два подхода к нейронаучным толкованиям субъективности. Первый из них представлен, по преимуществу, самими нейроучеными, которые во главу угла ставят задачу исправления «декартовской ошибки», а именно его психофизиологического дуализма. Суть подхода — это утверждение тождества сознания, самости, «Я» и мозга: «Вы — это Ваш мозг» (М. Газзинга); «Вы — это Ваш коннектом» (С. Сеунг), «Мы — это наши синапсы» (Дж. Леду) и т.п. Весьма однозначно данную концепцию выразил Ф. Крик: «Ты, твои радости и печали, твои вос-

поминания и амбиции, твое ощущение самосознания и свободной воли — в действительности есть не что иное, как деятельность большой группы нервных клеток и молекул, с которыми они связаны» [р. 3]. Общая логика такого способа мыслить субъективность такова: если мозг А можно пересадить в тело В, то это не В, который получит новый мозг, но А, который получит новое тело. Очевидность данного умозаключения делает все разговоры о субъективности вне его физического носителя (мозга) бессмысленными, а всю предшествующую философию ошибочной. Таким образом, обнаружение механизмов порождения мозгом сознательного Я, субъективного опыта — это дело времени и вопрос прогресса научного знания.

Второй подход, представленный в первую очередь в таком направлении, как критическая нейронаука, пытается показать, что «церебральный субъект» (Ф. Видал, Ф. Ортега) или «нейрохимический субъект» (Н. Роуз) — это антропологические фигуры, идеологические конструкции, используемые для описания самости. Прежде всего критики нейроцентризма ставят под сомнение революционную новизну нейронаучной интерпретации субъекта. «Идея о том, что «мы — это наши мозги» — отмечает Ф. Видал — является не следствием нейрофизиологических достижений, но предпосылкой нейрофизиологического исследования» [р. 7]. Эта предпосылка состоит в укорененном в западной культуре убеждении о наличии субъекта как автономного агента выбора и инициативы. Перемещая субъективность в пространство нейронных взаимосвязей, нейронаука продолжает оперировать категориями классической метафизики и психологии, атрибутируя мозгу такие свойства, как, например, воление или желание. Таким образом, нейронаука оказывается в языковой западне предшествующей философской традиции и свойственных ей интерпретационных схем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Crick F.* Astonishing Hypothesis: The Scientific Search for the Soul. New York: Charles Scribner's Sons, 1994. xiv+317 p.
2. *Vidal F.* Brainhood, anthropological figure of modernity // *History of the Human Sciences*. Vol. 22. No. 1. P. 5–36.

*Михаил Геннадьевич ХОРТ
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

КОГНИТИВИСТИКА КАК МЕТАЭТИКА

В середине 1990-х годов в нейрофизиологии было произведено важное открытие — были обнаружены так называемые «зеркальные нейроны» («mirror neurons»). Как ясно из названия, данные нейроны отвечают за подражательное поведение, то есть повторение жестов, звуков, эмоций, воспринятых субъектом из окружающего мира. Нейрофизиологический механизм подражания описывается следующим образом: «При восприятии действия, совершаемого другим индивидуумом, определённая группа нейронов сенсорных отделов, возбуждённых по определённому рисунку, свойственному именно этому действию, возбуждает определённые зеркальные нейроны, которые в свою очередь возбуждают определённую группу моторных нейронов коры, результатом чего является подражание» [1, с. 6]. Экспериментальное подтверждение существования зеркальных нейронов важно для когнитивных исследований по нескольким причинам. Во-первых, зеркальные нейроны могут помочь в объяснении того, как человек выучивается говорить. Во-вторых, обнаружение данных нейронов существенно продвигает исследователей в изучении такого явления, как «понимание другого» («theory of mind»). Но самым важным последствием обнаружения зеркальных нейронов, включающим два предыдущих, является то, что при помощи ссылки на них, как считали многие когнитивисты, возможно объяснить феномен эмпатии, а за ним — весь комплекс моральных ориентаций субъекта. Таким образом, можно говорить о том, что открытие зеркальных нейронов заставило когнитивистику «вторгнуться» в пространство метаэтики.

Явление нравственности в рамках когнитивистики рассматривается в качестве «производства ментальных репрезентаций моральных предписаний» [2, с. 36]. Моральные предписания вырабатываются в ответ на ситуации выбора, в которые оказывается вовлечен субъект в процессе жизни. Реализация того или иного выбора связана, при этом, с когнитивным опытом субъекта. Важнейшим конституирующим аспектом когнитивного опыта является подражание социальным и культурным порядкам, в которые включен субъект. При этом важно отметить, что, несмотря на содержательное различие, все этические системы трактуются как формально релевантные. Обнаружение зеркальных нейронов, как считают когнитивисты, указало на то, что механика порождения моральных норм коренится в физиологии человека: от простого подражания субъект переходит к пониманию другого, а после — к соотносению себя с ним, к эмпатии. Подражание как репрезентация имеет несколько стадий. Жан Пьер Шанже пишет: «[Можно выделить] среди социальных репрезентаций репрезентации первого порядка, вроде «хлеб — еда», «лев опасен» — их перцептуальное, концептуальное и логическое содержание задано предельно жестко, так как они сопряжены с жизненно важными для выживания факторами. К ним добавляются репрезентации второго порядка и более высоких порядков, связанные с более сложными отношениями между фактами или между психическими состояниями индивида» [2, с. 38]. Нейроученый Танкерди считает, что моральное сознание является таким же необходимым свойством мозга, как и язык [3, р. 46]. В соответствии с его гипотезой, моральные предписания производятся в процессе взаимодействия «эмоционального мозга» (амигдала, гипоталамус) и «рационального мозга» (префронтальная кора), а также системы зеркальных нейронов.

Несмотря на вышесказанное, попытки натуралистического обоснования морали в рамках когнитивистики сталкиваются с определенными философскими трудностями. Наиболее серьезный аргумент звучит следующим образом: наличие у каждого субъекта одинаковых физиологических механизмов моральной регуляции противоречит тому, что люди поступают по-разному в процессе социального взаимодействия. Другое возражение заключается в том, что подобное натуралистическое обоснование морали не предполагает реализма абсолютных ценностей, выраженных в форме деонтологического предписания. Натуралистическая этика

заменяет деонтологию на эволюционный консеквенциализм: «нравственность представляет собой продукт эволюционного давления, сформировавшего социальные, когнитивные и мотивационные механизмы» [4, р. 799].

Подводя итог, заметим, что исследование морали в рамках когнитивистики открывает интересные перспективы как для аксиологии, так и для самой когнитивистики. Судя по всему, именно в этой области будут разворачиваться наиболее острые дискуссии ближайшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косоногов В.* Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-на-Дону: Антей, 2009. 24 с.
2. *Шанже Ж. П.* Взгляд нейрофизиолога на основания этики // *Человек.* 1999. № 5. С. 34–42.
3. *Tancredi L.R.* Hardwired behavior: what neuroscience reveals about morality // Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 226 p.
4. *Moll J.* The neural basis of human moral cognition // *Nature Reviews Neuroscience.* 2005. № 6. P. 760–820.

Татьяна Леонидовна ШТЕЛЬ
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

МОЖЕТ ЛИ КОГНИТИВНАЯ НАУКА ПРИБЛИЗИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ СОЗНАНИЯ?

Уже на протяжении нескольких тысячелетий философы разгадывают загадку человеческого сознания. На данном этапе вре-

мени проблема сознания стала особенно актуальной для исследователей гуманитарной сферы. Такую актуальность она приобрела из-за возникновения когнитивной науки, что представляет серьезный вызов современной цивилизации. Интересы исследователей сконцентрировались на когнитивных темах — памяти, языке, внимании и мышлении. Можно сказать, что основные вопросы, которые охватывают эти темы, ученые объединили в общую проблему «Сознание и мозг».

И.В. Черникова, занимающаяся этой трудной проблемой, считает, что «сознание является высшей когнитивной способностью, оно играет огромную роль в управлении многими когнитивными функциями — распознаванием образов, невербальных символов, звуковых паттернов вниманием, знаково-символическим мышлением, работой долговременной и кратковременной памяти, поведением людей» [6, с. 7]. Это позволяет сделать вывод о том, что анализ проблемы сознания является первостепенной задачей для ученых-когнитивистов.

Но сможет ли объяснить когнитивная наука уже сложившиеся границы понимания природы сознания и способна ли вывести ученых на более тонкий уровень проникновения в сущность сознания? В данном докладе будет произведена попытка осмыслить результат современных когнитивных исследований на разгадку природы сознания.

Когнитивистика (*cogniscere*) в переводе с латинского языка обозначает: «познавать, знать». По своей природе когнитивные науки ставят вопросы о познании познания. Главная особенность и новация когнитивных наук в исследовании познания состоит в многодисциплинарном диалоге, порождающем общую почву у философии науки, нейронаук, теории информации, лингвистики, психологии.

Несмотря на растущий объем знаний о функционировании мозга, о когнитивных параметрах языка, в области искусственного интеллекта, приходится признавать, что проблема когнитивных наук «Сознание и мозг» не объяснима в границах компетенции отдельных научных направлений, каждое из которых самостоятельно исследует и моделирует процессы познания. На современном этапе развития науки диктуются новые правила для решения общенаучных задач. Человечество достигло той стадии, когда дальнейшее развитие науки возможно только на междисциплинар-

ной (полидисциплинарной) основе, конвергенции, взаимопроникновения наук и технологий. Ведь сама природа конвергентна по своей сути. Мышление — слишком сложное явление, чтобы его можно было полностью понять посредством одной дисциплины или на одном уровне исследований.

Междисциплинарность — это не только соседство отдельных дисциплин по той или иной проблеме, ее сущность заключается в кооперации, в результате которой возникает новое системное качество, про которое говорят: целое не больше и не меньше частей, из которых оно состоит, оно просто иное. Интеграционный вызов, стоящий перед когнитивной наукой, заключается в необходимости разработки общего каркаса, который мог бы объединить все составляющие данной науки на основе общих принципов, общего объекта исследования. Термины «междисциплинарность», «полидисциплинарность» означают не только преодоление дисциплинарных границ и возникновение новых научных тандемов, не только выход науки на новое интегративное пространство исследования, но и становление нового типа мышления — мышления диалогового, коммуникативного.

Сознание не отождествляется с мозгом, а когнитивные процессы понимаются не как изолированные процессы внутри носителя, а как результат взаимодействия системы и среды. Согласно коннекционисткой модели в основании функционирования нейронных сетей мозга лежит не абстрактное логическое мышление, а распознавание паттернов. Как отмечают известные теоретики когнитивной науки Дж. Эдельман и Дж. Тонони, — «мышление протекает в рамках синтезированных паттернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [6, с. 106].

На новом витке развития когнитивных наук осознается особая роль философии в познании познания. Она заключается не только в том, чтобы выполнить интегрирующую или коммуникативную функцию, но и в переосмыслении понятий, в постановке таких вопросов, которые выводят когнитивные исследования на новый уровень концептуализации. По словам одной из авторитетных деятелей в области когнитивных наук Т.В. Черниговской, — «следует возлагать надежды не на еще большее усложнение разрешающей способности техники, а на методологический и даже философский прорыв, который должен привести к возникновению новой мультидисциплинарной научной парадигмы» [5, с. 15].

Д. Деннет рассматривает сознание не как отдельное свойство и не как медиум неизвестной природы, а как глобальное функционирование нейросетей мозга. Более того, современные исследования показывают, что сознание — это совместное функционирование мозга, эндокринной системы, иммунной системы как составляющих пока не постигнутой целостности.

Деннет проводит параллель между функционированием компьютера и сознания. По словам философа, — «метафизическая сторона этого сходства в том, что и сознание, и компьютер возможны потому, что существуют глобальные алгоритмические процессы, проявляющиеся в человеческом сознании, искусственном интеллекте, артефактах культуры» [1, с. 176].

Таким образом, когнитивная проблематика очень значима для генерирования новых идей и концепций в гуманитарной сфере. Вопросы отдельных дисциплин выходят за рамки изучения чисто логического восприятия мира. Поскольку современное общество ставит такие вопросы, на которые одна конкретная наука уже ответить, не способна. Главная и нерешенная до сих пор проблема состоит в том, что общей платформы для объединения направлений, входящих в когнитивистику, пока нет, но это лишь вопрос времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деннет Д. Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
2. Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 704 с.
3. Микешина Л.А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС, 2013. 512 с.
5. Черниговская Т.В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит (к вопросу об эволюции языка и сознания) // Когнитивные исследования. Вып.4. М.: ИП РАН, 2010. С. 67–89.
6. Черникова И.В. Когнитивные науки и когнитивные технологии в зеркале философской рефлексии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. С. 101–116.

*Ирина Олеговна ЩЕДРИНА
Государственный академический университет
гуманитарных наук, г. Москва*

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ Я

(ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА)*

Проблема Я находится на пересечении множества гуманитарных областей: философии, психологии, лингвистики, поэтому ее исследование требует использования междисциплинарных методов и подходов. Наибольшую актуальность и методологическую эффективность приобретает нарративный подход, который базируется на понимании Я как повествования о себе, в котором все истории, создаваемые (конструируемые) и рассказываемые для других, основываются на автобиографической памяти, на репрезентации себя [1].

Можно выделить проблемы, которые возникают при применении нарративного подхода к анализу Я. Это, прежде всего, проблема проверяемости автобиографического нарратива, т.е. вопрос о соответствии выражаемого в нарративе Я существующему на самом деле (т.е. в реальности). Я может рассматриваться как продукт intersubjectивной коммуникации. Оно строится во взаимодействии с миром, не как нечто данное и неизменное, но как продукт трансляции и дискурса [2]. В момент этой трансляции человек оказывается скованным своими собственными словами. В сущности, проблемой оказывается степень проникновения нарратива в реальность, эпистемологический статус высказываемого Я. В действительности ли человек является тем, кем себя считает?

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 16-18-1-229 «Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте взаимодействия философии и когнитивных наук».

Эта проблема по-разному разрешается исследователями Я. Так, Бернс осмысливает поведенческую составляющую, которая подтверждает или опровергает наше представление о себе; К. Роджерс — образ идеального Я, которое является неизменной частью каждого. С эпистемологической точки зрения особый интерес представляют разработки Ф. Лежена, ведущего исследователя автобиографических нарративов, мемуаров и дневников. Опираясь на «Исповедь» Руссо, он ввел в обиход термин «автобиографический пакт», некоторый «автобиографический договор». Суть этого пакта заключается в том, что автор обязуется говорить в тексте о себе правду. И здесь немедленно возникает целый ряд методологических затруднений: неосознанная ложь, ложные воспоминания, выборочное акцентирование внимания в тексте, потеря памяти т.п. Не говоря уже о специальном умалчивании каких-либо фактов. Представляем ли мы себя как Другого, рассказывая что-либо о себе? Подстраиваемся ли мы под реальность, под Другого при взаимодействии; насколько вообще соответствует Я человека его же Я в представлении Другого?

В коммуникативном акте сталкиваются разные образы нашего Я, осознанно или нет. Рассказывая что-либо, человек может попытаться изобразить себя в другом свете, но при этом выдать себя случайно, самим собой. При этом автору письменного текста обмануть читателя уже не так легко; так же как и самого себя, в этом смысле Лежен оказывается прав, когда говорит: «Одна из главных проблем, связанных с автобиографией, состоит в том, что, коль скоро вы ее опубликовали, вы чувствуете себя обязанным походить на то, что вы сказали, соответствовать созданному вами образу, который уже нельзя просто так изменить. Отныне вы навеки обречены на самого себя»[3].

ЛИТЕРАТУРА

1. The Self across Psychology: Self-Recognition, Self-Awareness, and the Self Concept. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1997. Vol. 818. New-York: New York Academy of Sciences, 1997. 300 p.
2. Bruner J. Life as Narrative // *Social Research*. 1987. 54 (1). P. 11–32.
3. Лежен Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария» // *Новое Литературное Обозрение* — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2291>, свободный. — Заглавие с экрана (Дата обращения: 20.08.2017.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>АБРАМОВ П.Д.</i> Взаимосвязь сознания и мозга в философии буддизма и нейропсихологии.....	3
<i>АЛЕХНОВИЧ А.С.</i> Проблема «Я»: экзистенциально-феноменологический анализ сознания...	6
<i>БАРЫШНИКОВ П.Н.</i> Метафорические основания компьютеризации в когнитивных науках и философии сознания.....	9
<i>БЕЛОНОВ И.Н.</i> Три уровня сознания.....	12
<i>ГОСТЕВА Д.Д.</i> Субъектный потенциал человека в информационную эпоху.....	15
<i>ГУМАРОВА А.Н.</i> Субъект познания в свете современных когнитивных наук.....	17
<i>ГУСЕВ А.А.</i> Трудности, связанные с изучением феноменального сознания.....	20
<i>ЗУБКОВ Н.А.</i> Теория методологии анализа гуманитарно-психологической составляющей информационной войны.....	23
<i>КАТУНИН А.В.</i> Когнитивное бессознательное: «сильное» и «умное» или «слабое» и «глупое»?.....	25
<i>КОЗЫРЕВА О.А.</i> Критика субъекта в современной философской мысли: внутреннее vs. внешнее.....	28

<i>МАКАРТЕЦКАЯ О.А.</i> Антиредукционистское объяснение сознания.....	31
<i>МИРОШНИЧЕНКО М.Д.</i> Феноменализация природы или натурализация сознания? Между философией и когнитивной наукой.....	34
<i>МУСС А.И.</i> Когнитивная наука как поиск решения фундаментальных философских проблем.....	38
<i>МУХИНА Д.О.</i> Чтение мозга.....	41
<i>НЕМЕШ Н.Н.</i> Онтологический статус интенциональности и ментальных репрезентаций.....	42
<i>ПАРНАХ А.М.</i> Субъект и экзистенциальные противоречия эпохи искусственного интеллекта.....	45
<i>ПОПОВ А.П.</i> Конструирование идентичности как конфликт самореференций.....	48
<i>ПОПОВА Ю.С.</i> Трансформация понятия субъекта в «новых онтологиях».	50
<i>САБАНЧЕЕВ Р.Ю.</i> Коллективная память: время, преломленное сквозь призму сознания.....	52
<i>СЕМЕНОВА Е.А.</i> Проблема Я в свете современных подходов к пониманию позитивных симптомов шизофрении.....	55
<i>ФИЛАТОВА А.А.</i> Проблема субъективности в контексте «нейронаучного поворота».....	58
<i>ХОРТ М.Г.</i> Когнитивистика как метаэтика.....	61
<i>ШТЕЛЬ Т.Л.</i> Может ли когнитивная наука приблизить человечество к пониманию природы сознания?.....	63
<i>ЩЕДРИНА И.О.</i> Нарративный подход к исследованию Я (эпистемологическая проблема).....	67

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СУБЪЕКТ, СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
И КОГНИТИВНЫХ НАУК

●
Под редакцией
Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 24. 10. 2017
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–28–0

9 785906 578280